

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*Волга впадает
в Гудзон*

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Волга впадает в Гудзон

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Волга впадает в Гудзон / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Марш Турецкого)

На государственного деятеля высокого ранга совершено два покушения, одно из которых оказалось удачным. Следственная бригада, возглавляемая заместителем Генерального прокурора Александром Турецким, выходит на след преступников. Но кто же заказал известного политика и олигарха? Это один и тот же человек или государственный деятель был неугоден многим? Следы первого покушения, совершенного при помощи старинного кинжала, ведут в США, а что касается второго...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

1	5
2	12
3	17
4	23
5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

1

Ренат Георгиевич Мансуров, глава концерна «Россвияжэнерго», спокойно обвел глазами притихший зал и, поняв, что вопросов больше не будет, отодвинул от себя небольшую прозрачную папку с документами. Папка была немедленно перехвачена его первым заместителем и помощником Томилиным, с которым они проработали вместе добрых пятнадцать лет и научились за столь длительное время, изобилующее экстремальными ситуациями, понимать друг друга не только с одного взгляда, но и с одного жеста.

Собравшиеся в зале – а точнее, в небольшом, но зато в богато отделанном настоящими дубовыми панелями и неизбежным темно-вишневым бархатом зальчике – зашевелились, также сообразив, что встреча с одним из самых известных на сегодняшний, да и на вчерашний, день, в стране человеком завершилась. Народ здесь собрался далеко не глупый и, несомненно, опытный. Все сразу сообразили, когда пришло время расходиться, даже раньше, чем Ренат Георгиевич, сдержанно улыбнувшись в сторону нескольких телекамер, сгрудившихся слева от небольшой эстрады, поблагодарил всех «за внимание и понимание». Хотя если со вниманием действительно все было в порядке, то насчет понимания, как мельком подумал Томилин, – это вряд ли... Представители московского актива, настоявшие на этой встрече в закрытом клубе «Энерджи», вряд ли утешились, выслушав перечень причин, по которым некоторое время назад столица на несколько часов осталась без электричества...

Мансуров между тем поднялся из-за стола, сидя за которым он отвечал на каверзные вопросы, и огоньки телекамер начали медленно, один за другим, гаснуть. Последним нехотя исчез огонек камеры НТВ. К эстраде сквозь потянувшуюся к единственному выходу публику, ловко лавируя в небольшой толпе, уже пробирались телохранители Мансурова – Валерий Лавров и Сергей Качаров.

Томилин бросил искоса незаметный взгляд на своего шефа и друга и привычно удивился абсолютной невозмутимости его физиономии, нарушал которую разве что таившийся в глубине зрачков Рената Георгиевича ироничный огонек. Но огонек этот был запрятан так глубоко, что вряд ли его разглядели даже вездесущие телекамеры. Запечатлевавшие внешность Мансурова для потомков сотни и сотни раз за последние годы телекамеры все-таки не знали Рената Георгиевича так, как знал его Томилин... Да и сосредоточивались их объективы чаще всего на внешности Мансурова в целом – прямо скажем, было на чем: высокий, подтянутый блондин с абсолютно правильными чертами лица, ничем не выдающими восточного происхождения его хозяина, в неизменно строгом костюме, классической рубашке и не менее классическом галстуке, о стоимости которого свидетельствовала безупречность линий при некоторой естественной небрежности узла. Да, на голубом экране Ренат Георгиевич, безусловно, «смотрелся» при любых, даже самых патовых обстоятельствах!

Между тем Валерий с Сергеей, телохранители Мансурова, достигли своей цели и, дождавшись, когда их хозяин в сопровождении Всеволода Ивановича спустится в опустевший зал – именно в опустевший, как предписывали правила, – двинулись впереди них на выход, за которым находился довольно просторный вестибюль с гардеробом и коридорчиком, ведущим в туалеты, а также изящная беломраморная лестница. Один из ее пролетов вел вниз – второй наверх. И там и там располагались основные помещения клуба, где, собственно говоря, и «клубилась» его почти круглосуточная жизнь. Хозяин «Энерджи», коротенький толстячок с бегающими глазками – третий из присутствующих на эстраде во время встречи, – сделал последнюю попытку залучить знаменитого гостя в ресторанчик, славящийся своей «почти домашней» кухней, и, получив вежливый и окончательный отказ, с недовольным видом затерялся в глубине закулисья.

Наконец все четверо – Валера с Серегой, как и положено, впереди, Мансуров с Томилиным чуть поотстав и между ними – вышли в вестибюль, тоже почти опустевший, на сей раз стараниями местной охраны, начальник которой, бывший майор милиции, маячил у выхода. Все, что случилось в следующую секунду, именно по секундам и восстанавливалось – с помощью немногочисленных свидетелей и камер видеонаблюдения – гораздо позже. А в тот момент Томилину, едва сумевшему осознать происходившее, показалось, что из дальнего полутемного угла под лестничным пролетом, ведущим наверх, то ли в кафе, то ли в ресторан, на них летит какой-то сине-красный мешок, лишенный любых иных деталей.

К «мешку» метнулся Лавров, кажется даже ухватил его, но тот сумел выскользнуть из Валериных лапищ, перед лицом окаменевшего на месте Томила что-то сверкнуло в сторону Рената, почти одновременно просвистел огромный кулак бывшего боксера Серёги Качарова. Два звука слились вместе: один звонкий, металлический, второй смачный, чавкающий звук удара, затем тяжелый звук падения тела и лишь после этого, спустя еще секунду, раздался пронзительный женский визг: кричала замешкавшаяся после встречи дама – депутат Мосгордумы. И лишь после этого Всеволод Иванович автоматически шагнул влево, уже без всякой надобности заслоняя собой Мансурова, и увидел наконец всю картину в целом.

На полу, придавленный лежащим на нем Лавровым, валялся какой-то мужичонка, судя по почти наголо стриженному затылку (морда прижата к полу и оттого не видна), – молодой, возможно, и вовсе пацан, поодаль от него – не достигший своей цели (слава богу!..) нож, а может быть, и кинжал – в этом Томилине не разбирался – холодное оружие было какой-то странной, скошенной формы. От входа как-то слишком медленно – так ему показалось – бежит здешний начальник охраны, что-то кричит.

Всеволоду Ивановичу пришлось напрячься, чтобы расслышать, что именно:

– Не прикасаться к ножу! Не прикасаться!

«Никто и не собирается...» – почему-то подумал он: люди вообще ведут себя в экстремальных ситуациях странно и непредсказуемо. Томилине, например, внимательно понаблюдал, как начальник клубной охраны, осторожно опустившись на колени возле выбитого из рук убийцы кинжала, аккуратно прихватил его носовым платком и опустил в неизвестно откуда взявшийся прозрачный пакет. И лишь после этого повернулся к Мансурову.

Ренат Георгиевич стоял чуть прищурившись, был немного бледнее обычного, но ни страха, ни особого волнения на его лице не читалось. Скорее легкое утомление... Всеволод Иванович невольно проследил за его взглядом: Лавров был уже на ногах – так же как и владелец кинжала, повисший в его ручищах. «Парню не больше двадцатника, – мелькнуло у Томила, – бывший эк?..» На эту мысль наводила малюсенькая головенка, стриженная под ноль, едва начавшая обрастать.

Несостоявшийся убийца вообще был неправдоподобно крохотным, тощим, почти утонувшим в своей красно-синей куртешке, из которой в данный момент торчала помимо стриженного затылка полубезумная, узкая физиономия с низким лбом, залепленным пластырем. Местные охранники, налетевшие теперь со всех сторон, перехватили лавровскую добычу, щелкнув на его запястьях наручниками.

– Уходим, – негромко произнес Мансуров над самым ухом Томила, четко уловив момент, когда Серёга Лавров сдал парня на руки бывшему майору.

В голосе Рената Георгиевича по-прежнему не ощущалось ни паники, ни волнения, это было обычное, рядовое распоряжение, понятное всеми: и Всеволодом Ивановичем, и Валерием с Серегой.

– Ренат Георгиевич, куда же вы? – Начальник местной охраны метнулся от своих подчиненных, столпившихся вокруг несостоявшегося киллера, в их сторону. – Сейчас милицейская бригада прибывает, мы вызвали!..

– Что-то случилось? – Мансуров слегка приподнял левую бровь, выражая недоумение. – Простите, но лично я спешу и помочь ничем не могу. Всего наилучшего.

Бывший милицейский майор так и остался стоять посреди холла с приоткрытым ртом, провожая глазами их компанию, слаженно двинувшуюся на выход в предписанном протоколом порядке: впереди двое секьюрити, чуть позади и в то же время между ними Мансуров с Томилиным.

Выход из клуба представлял собой стекляшку с широкими раздвижными дверями, поэтому начальник охраны «Энерджи» заполучил возможность увидеть всю мизансцену до конца.

К моменту, когда четверо гостей вышли на крыльцо, машина Мансурова и два сопровождавших ее небольших маневренных джипа уже оказались рядом, урча своими движками почти впритирку к нижней ступени. Неторопливо спустившись вслед за Лавровым к своему серебристому «лендроверу», хорошо известному всей Москве, Ренат Георгиевич Мансуров скрылся за приоткрытой телохранителем дверцей. Одновременно то же самое проделал, только нырнув на заднее сиденье, его заместитель Томилин и, наконец, секьюрити.

Спустя не более чем полминуты, все три машины сорвались с места и исчезли из поля зрения бывшего майора, мигнув ему на прощание многочисленными похожими на новогоднюю гирлянду стоп-сигналами. Еще через десять минут возле клуба, точнехонько на том месте, где совсем недавно стояли нарядные иномарки, взвизгнул сразу всеми тормозами совсем другой кортеж, во главе которого выделялась тоже по-своему нарядная желто-синяя машина отечественного производства, с целой радугой огней, переливающихся на ее крыше, не считая синей милицейской мигалки.

Владимир Владимирович Дубинский, младший советник юстиции, зато старший и, несомненно, лучший следователь Мосгорпрокуратуры, обожал свою жену Татьяну, семилетнюю дочку Машеньку и обеим строго-настрою запрещал всего две вещи: смотреть криминальные новости по НТВ и звонить ему на работу во время плановых дежурств.

И для того, и для другого основания у Владимира Дубинского были, во всяком случае с его точки зрения, весьма веские. Во-первых, знакомство с телевизионными криминальными новостями вполне могло превратить среднестатистического гражданина Российской Федерации в психически больного, одержимого манией преследования, или как минимум погрузить в темные воды ипохондрии. Что касается звонков, то во время дежурств Владимир Владимирович и сам названивал «своим девочкам» куда чаще, чем позволяли служебные обязанности. Благо дежурства выпадали в последнее время довольно спокойные, – как правило, с выездами сотрудники милиции справлялись самостоятельно и прокуратуру беспокоили редко. Во-вторых, работников, несмотря на госзарплату, в прокуратуре пока что, слава богу, хватало, и дежурить Дубинскому в этой связи доводилось редко, не чаще одного раза в месяц, а порой и того меньше.

Вот на очередное такое дежурство и заступил Владимир Владимирович Дубинский однажды теплым августовским вечером, ласково расцеловавшись с Танюшей и Машенькой и пообещав позвонить при первой же возможности.

С некоторых пор начальство хоть и со скрипом, однако выделило Дубинскому отдельный кабинет, единственным недостатком которого являлось явное излишество зеркал, украшавших стены в числе целых трех: до Владимира Владимировича в упомянутом помещении обитали дамы, оставившие ему такое наследие. Одно из зеркал, отражавшее человека в полный рост, висело прямо напротив входной двери, заставляя задумчивого Дубинского всякий раз вздрагивать при входе в кабинет. Не потому, что он был нервным, как институтка Смольного позапрошлого века, а потому, что, думая о чем-то отвлеченном, он нередко принимал собственное отражение за постороннего человека, засевшего в запертом помещении. Тут же соображал, что

к чему, сердито сплевывал, давал себе слово «сегодня же» избавиться от дурацкого зеркала и... через пять минут, погрузившись в обилие текущих дел, забывал о своем намерении.

На самом деле вздрагивать при виде своего отражения у Володи Дубинского никаких оснований не было: его внешность вполне укладывалась в понятие «приятный шатен тридцати пяти лет», чего по его подтянутой фигуре и хорошо накачанным бицепсам не скажешь. О слегка наметившейся лысине упоминать не стоило, тем более что знали о ней только он сам да Танюша, а посторонние люди ее пока не замечали.

Открыв дверь своего кабинета, Владимир Владимирович Дубинский ни о чем особенном не думал, поэтому, вопреки обыкновению, вздрогнуть его собственное отражение не заставило: эту функцию взял на себя телефонный аппарат внутренней связи, неожиданно взорвавшийся в вечернем полумраке и тишине пустого этажа непрерывной трелью. Чертыхнувшись в адрес дежурного (ведь только что шел мимо него, дурня – что, не мог все что надо лично сказать?!), Дубинский метнулся к телефону, не успев включить свет, и сердито сорвал трубку:

– Да!..

Некоторое время он слушал своего собеседника, постепенно меняясь в лице, о чем свидетельствовало еще одно зеркало, по таинственным соображениям повешенное над спинкой стула следователя (неужели у прежней хозяйки его рабочего места глаза были на затылке?!).

Наконец, коротко бросив в аппарат «Уже спускаюсь!», Владимир Владимирович покинул свой кабинет, забыв на столе приготовленный заботливой Танюшей термос и так и не избавившись от выражения хмурого удивления, возникшего на его физиономии. Как любой нормальный следак, Дубинский терпеть не мог иметь дело с ВИП-персонами, да еще такого уровня, как Мансуров, на которого, по словам дежурного, несколько минут назад в фойе клуба «Энерджи» бросился какой-то козел с ножом. «Какой-нибудь псих-одиночка или действительно серьезная заварушка?» – мельком подумал Володя, садясь в машину. Но тут же думать об этом себе запретил: хуже нет, когда начинаешь прикидывать варианты заранее, не зная толком обстоятельств. Хотя одно из них можно предсказать вполне определенно: уже сегодня СМИ, что бы там ни произошло на самом деле, назовут случившееся покушением на известного в стране человека, с которым ему, Дубинскому, предстоит общаться через какие-нибудь двадцать минут.

Хорошо, если Мансуров окажется выдержанным господином, каким мы видим его на голубых экранах. Но то, что в телевизоре – в первую очередь имидж данного человека. Имидж, сложившийся еще с той поры, когда он активнейшим образом участвовал практически во всех реформах девяностых, варясь в политическом котле, не шарахаясь ни от одной из им же организуемых заварушек. А что, если на деле Ренат Георгиевич вовсе не тот невозмутимый, как манекен, красавчик с умным взглядом и непредсказуемым ходом мышления, каким его сделали ушлые имиджмейкеры, а какой-нибудь псих припадочный? Ну а если добавить к этому очень скорую реакцию Володиного начальства на покушение, которое несомненно будет объявлено в ближайшей новостной программе.

Владимир Владимирович не выдержал и чертыхнулся вслух, что позволял себе делать, между прочим, крайне редко.

– ...Нет, ты соображаешь, что несешь?! Это как – уехали? Они что же – из другого теста, что ли, состряпаны, что им... твою мать, закон не писан?! А ты куда смотрел? Никакого права уезжать они не имели!.. Привет, Володя...

Возмущенно размахивающего руками перед носом пунцового от смущения секьюрити местного разлива Игоря Калину, старшего опера окружного УВД, славящегося своим взрывным нравом, Владимир Дубинский увидел и услышал сразу же, едва переступил порог клуба.

– Привет, – кивнул он Калине, моментально сообразив, по какому поводу выступает опер на сей раз. Сам он, поняв, что общаться с ВИП-Мансуровым ему не придется, а если придется, то не прямо сейчас, почувствовал облегчение.

– Да нет, Володя, ты представляешь! – продолжал кипятиться Игорь. – Эти здешние перцы преспокойненько дали возможность жертве удалиться с места действия... А еще, говоришь, бывший мент!

Последнее относилось уже к провинившемуся представителю местной охраны, как выяснилось немного позднее – ее начальнику. Фамилия бывшего майора была Павленко.

Дав Калине еще несколько секунд на то, чтобы выпустить пар, Дубинский движением руки остановил темпераментного опера и повернулся к его абсолютно скисшему собеседнику:

– Здравствуйте, во-первых, – улыбнулся он. – Старший следователь Мосгорпрокуратуры Дубинский Владимир Владимирович... Где мы с вами можем спокойно побеседовать?

– Здравствуйте. – Начальник охраны поднял на него глаза, в которых мелькнула робкая надежда на лучшее. – Я Павленко, Сергей Ильич, майор в отставке, возглавляю здешнюю команду секьюрити. Можно пройти в мой кабинет, в комнате охраны у нас задержанный.

Дубинский уже знал, что неудачливого киллера схватили прямо на месте преступления – не без помощи мансуровских телохранителей, что в качестве улики имеется оружие покушения – нож. Он очень надеялся на то, что «незахватанный».

Кабинет Павленко, как выяснилось, располагался под лестничным пролетом: незаметная дверца вела в довольно просторную и уютную комнату с мягким, недорогим ковром на полу, неброским длинным диваном, встроенным в стену сейфом, столом и двумя стульями. Главное – никаких тебе дурацких зеркал!

– Игорь, – Дубинский задержался на пороге, повернувшись через плечо к Калине, – опросишь, как обычно, свидетелей, после чего задержанного берите под мышки и увозите. Сегодня я с ним общаться не буду. Да скажи фотографу, чтобы все положенные ракурсы снимал в трех вариантах, а не как в прошлый раз. Ну ты все знаешь!

– Ладно, сам с этим отморозком поговорю. – Игорь вдруг хитро улыбнулся и подмигнул Владимиру Владимировичу: – Надеешься, кому-нибудь другому дельце достанется? И не мечтай! Ставлю сто баксов – тебе же и навесят!

– Типун тебе сам знаешь куда, – буркнул Дубинский. – Что у нас, следователей, что ли, мало? По-моему, вполне хватает...

– Так как насчет ста баксов?

– Пошел ты знаешь куда!

Дубинский захлопнул дверь, едва не прищепив Калине нос. Тот раскусил его совершенно точно: не всякое дело из тех, на которые приходится выезжать во время дежурства, с неизбежностью попадает затем к выезжавшему. Так что надежда отбояриться от этого, как ни верти, покушения теоретически существовала...

– Чаю или кофе хотите? – робко поинтересовался Павленко.

– А покрепче у вас ничего не найдется? – Володя усмехнулся и, немного поколебавшись, присел к столу. – Ладно, шучу я... Давай-ка изложи для начала коротко, что тут стряслось...

Спустя минут пять, отметив, насколько и впрямь кратким и четким может быть бывший майор, если на него не орать дурным голосом, Дубинский уже был в курсе произошедшего. Павленко, завершив рассказ, открыл один из ящиков письменного стола и извлек пластиковый пакет, который со скромным видом выложил перед Владимиром:

– Вот... оружие, так сказать... Не беспокойтесь, никто, кроме этого психа, не притрагивался, я успел предупредить, чтобы не захватили.

Именно в этот момент Дубинский и ощутил первую искорку интереса к столь странному, можно сказать, дилетантскому покушению на Мансурова. Он осторожно пододвинул к себе

пакет и пристально уставился на необычной формы кинжал, только чудом, по словам Павленко, не достигший своей смертоносной цели.

Это был именно кинжал, да еще какой! Острый, как бритва, длинный, сверкающий грозной сталью и... явно старинной ручкой, отделанной черненым серебром с каким-то затейливым орнаментом. Присмотревшись, он увидел еще одну особенность – едва заметный тоненький желобок, идущий вдоль лезвия: по сравнению с остальной поверхностью желобок выглядел более тусклым.

– Вот и я о том же, – обронил немного осмелевший Павленко. – Вы в холодном оружии разбираетесь?

– Не то чтобы очень, – признался Володя, – но вижу, что штукovina вроде бы старинная.

– Думаю, Испания, конец девятнадцатого века. – Тон у бывшего майора сделался несколько извиняющимся. – Я, знаете ли, когда-то интересовался, когда еще пацаном был. Конечно, могу и ошибаться... Штука в том, что с этим психом подобная вещица ну никак не вяжется...

– Слушай, ты уже во второй раз назвал его психом, – Володя с некоторым усилием оторвал взгляд от кинжала, – он что, правда под психа косит?

Павленко пожал плечами, а Дубинский, прихватив пакет с кинжалом, поднялся:

– Пойду-ка все же взгляну на него. Куда вы его затолкали?

Пойманного киллера поместили в комнате охраны – возле выхода из клуба. И, едва взглянув на худосочного, стриженного парня с пустыми, какими-то почти белыми глазами, Дубинский понял, почему бывший майор назвал его психом и заговорил о несовместимости убийцы с орудием убийства.

Весь прикид парня состоял из неопределенного цвета рубахи без пуговиц и вытертых до дыр джинсов явно не его размера, державшихся на нем исключительно за счет просунутой вместо ремня бельевой веревки. На ногах – раздолбанные кроссовки, а единственный контраст всему этому – валявшаяся на полу новенькая и совершенно точно недешевая красно-синяя куртка...

При появлении Владимира Калина, очевидно пытавшийся хоть что-то вытянуть из «киллера», вскочил и, глянув на него, пожал плечами:

– Вот, товарищ следователь, ваньку валяем, под дурака косим...

Дубинский внимательно посмотрел в угрюмое лицо парня с царапиной на лбу, замазанной зеленкой, на его пустой, устремленный в никуда взгляд и кивнул Калине:

– Можете увозить, завтра разберемся. Выяснили, как он сюда попал?

– Все клянутся, божатся, что через центральный вход не проходил. Да и не пустили бы его... такого... С обслугой еще не успели побеседовать, а гостей сегодня почти не было...

– А хозяина вашего почему не видно? – Дубинский повернулся к Павленко.

– Наш генеральный вместе с менеджером уехали еще до того, как все это... – Павленко неопределенно повел рукой. – Сразу же после того, как встреча завершилась, спешили куда-то... День у нас сегодня из-за этой встречи негостевой...

Он виновато посмотрел на Владимира.

– И что, до сих пор никому в голову не пришло с ним связаться?

– Так у обоих телефоны отключены... И дома их нет...

– По девочкам, что ли, рванули? – усмехнулся Калина.

Павленко покраснел и пожал плечами.

– Ладно, веселиться будем в другой раз, – строго поглядел на Игоря Владимир, который терпеть не мог шуток ниже пояса. – Этого, как я сказал, увозите, опрос сотрудников продолжайте, когда закончите, жду вас в кабинете майора, кое-что, товарищ Калина, нам с вами нужно будет обсудить, как говорится, не сходя с места...

Никаких результатов опрос сотрудников – это выяснилось где-то около полуночи – не принес: никто не желал признаваться не только в том, что провел в клуб «психа», но даже в том, что видел его издали.

– Ты там при нем шапки-невидимки не заметил? – мрачно пошутил Дубинский, просмотрев протоколы дознания. – Нет?.. А жаль... К этому завлекательному кинжальчику она бы очень подошла.

Игорь Калина, тоже хмурый, но успевший в процессе дознания выпустить все свои пары и оттого уставший, на кинжальчик только покосился и пожал плечами с полным безразличием: в холодном оружии он разбирался, но исключительно в современном, охотничьем. И посему главным достоинством орудия предполагавшегося убийства, с его точки зрения, были сохранившиеся на нем пальчики...

2

В свой зеркальный кабинет Володя Дубинский попал только во втором часу ночи. Усталость уже брала свое, и, прежде чем заняться писаниной – в частности, постановлением о возбуждении уголовного дела по факту покушения... ну и так далее, – следователь некоторое время посидел за столом просто так – тупо глядя перед собой, а на самом деле в никуда. Несколько минут такого сидения, по его убеждению, равнялись минимум двум часам полноценного отдыха.

Прямо перед ним маячила небольшая папка из прозрачного пластика с аккуратно вложенными в нее протоколами дознания, которые Дубинский намеревался прочесть самым внимательнейшим образом, и пакет с загадочным кинжалом. Помимо протоколов среди бумаг имелось и заявление Павленко о случившемся на его территории покушении, на основании которого упомянутое дело и предполагалось возбудить. А еще предполагалось, что, не менее чем в течение ближайших двадцати четырех часов, к официальным документам добавится заявление самой жертвы. Чего это будет стоить лично ему, Владимир Владимирович после сегодняшнего исчезновения Мансурова и компании из клуба, вполне даже догадывался.

Да, что-то не получалось у него сегодня отвлечься и бездумно посидеть за столом даже минуту. Мобильный телефон Дубинского завибрировал в кармане пиджака – и почти сразу кабинет огласился мелодичным перезвоном популярной когда-то детской песенки. Володя глянул на определитель, покачал головой и включил связь.

– Таня, – произнес он как можно строже, – ты почему это в такое время не спишь?

– Потому что ты зачем-то выключаешь телефон! – ответила она по-настоящему сердито. – Ладно, я включила НТВ и потом уже догадалась, где ты! А так давно бы сошла с ума от беспокойства!..

– Что – уже? – поразился Дубинский оперативности телевизионщиков.

– Ты о чем?!

– О том, что не успели дело оформить, как они уже сработали... – буркнул Владимир. – Впрочем, может, оно и к лучшему. Я все равно собирался с утра с ними связаться. А что там сказали-то?

– Сначала ответь, почему телефон выключил! – произнесла вредная Татьяна, основным недостатком которой Дубинский считал ее постоянное беспокойство о его персоне. Никакие разъяснения по части того, что работа следователя тем и отличается от работы оперативника, что проходит в основном в стенах кабинета, а следовательно, лишена даже намека на риск, на Татьяну не действовали.

– Тань, ну ты что как маленькая? – вздохнул Володя. – Что же я, по-твоему, вместо запланированных следственных действий на месте преступления должен был то с тобой, то с начальством по мобиле беседовать?.. Так тогда мы бы и до утра не освободились!

– Перестань так со мной говорить! Я, между прочим, волнуюсь, мало ли что. Предупредил бы, что на выезде, и...

– Ладно, не злись, – покорно сказал Дубинский. – Ну так что там по НТВ?

– Они, как всегда, молодцы! – сдалась наконец жена, явно жаждавшая услышать от мужа какие-нибудь подробности случившегося. – Их оператор совершенно случайно заснял этого убийцу, правда, сквозь какие-то стеклянные двери и видно не очень хорошо, но заснял! Это правда, что он на Мансурова с ножом бросился? Прямо как в романе каком-нибудь...

«Знаем мы эти случайности, – подумал про себя Дубинский. – Наверняка подкарауливали с камерой, чтобы заснять отъезд его эскорта...»

– Танюша, – сказал он вслух, – сколько раз тебе повторять: ни на какие вопросы по работе ни лично, ни по телефону в процессе следствия отвечать мы не имеем права. Ложись-ка ты спать наконец, тем более что ты убедилась: я жив-здоров, но занят!

– Ну и ладно!.. – Она моментально отключила связь, продемонстрировав мужу свою обиду. Но Дубинский, зная Татьянину отходчивость, ничуть не расстроился, не расстроил его и звонок шефа, доставший Володю еще в машине, на обратном пути из клуба. Судя по всему, шефа известие о покушении застало уже сладко спящим, потому что голос у него был злой, каким бывает только спросонья. И этим самым злым голосом он, выслушав предварительно краткий доклад Дубинского, приказал ему, как и пророчил Калина, принимать образовавшееся дело к своему производству.

Даже удивительно, что Володя при этом не слишком огорчился, – вероятно, из-за того, что был он по своей природе человеком любознательным и его действительно весьма заинтересовало странное орудие несостоявшегося убийства.

Предмет его размышлений между тем продолжал спокойно лежать на столе, посверкивая острым, как бритва, стальным лезвием в свете настольной лампы.

Дубинский осторожно взял кинжал в руки и поднес поближе к лампочке, дабы лучше разглядеть узор из черненого серебра. Однако внимание его привлек поначалу желобок: Володе показалось, что выглядит он на фоне самого лезвия более тускло не из-за выделки, а из-за того, что на нем имеются какие-то мутноватые потеки... С чего бы это? Но как он ни крутил, как ни вертел кинжал, увериться или, наоборот, разувериться в их наличии так и не сумел. Уж больно узеньким оказался желобок!

И, поразмыслив еще немного, Дубинский решил отправить данную явно антикварную, но от этого не менее опасную штуку, помимо обычной техэкспертизы, еще и на химико-биологическую. Конечно, времени это займет больше, но на легкое и скорое расследование он с того момента, как увидел кинжал, рассчитывать перестал: даже если парень действительно псих, раздобыть столь дорогую вещьцу ему все равно негде, а значит, существует некто, кто вложил ее в руки несостоявшегося убийцы. О том, сколько людей и по скольким причинам могут ненавидеть Мансурова и соответственно попытаться с ним разделаться, Владимир Владимирович Дубинский решил пока не думать...

Убрав кинжал в сейф, он тяжело вздохнул и включил компьютер: пора было браться за «бумагомарание», как он сам это называл, после чего, возможно, останется время и на то, чтоб вздремнуть хотя бы пару часиков: для этой цели у Дубинского имелась припасенная заранее и давным-давно раскладушка, хранившаяся в стенном шкафу. О том чтобы утром отправиться отсыпаться домой, он даже не помышлял... И был, разумеется, прав.

– Коломбо, ко мне! Дай сюда!..

Мохнатая черно-белая псина породы «медвежья лайка», разметав по дороге аккуратно собранные в пирамидку палые листья, со всех ног припустила к хозяину, сжимая в «улыбающейся» пасти белый мячик из войлока – свою любимую игрушку.

– Умница... – Мансуров потрепал Коломбо по загривку и совершенно по-мальчишески улыбнулся.

«По-мальчишески» – так подумал Всеволод Иванович Томилин, как раз в этот момент подходивший в сопровождении своего единственного охранника к небольшому особняку, наполовину скрытому все еще не потерявшим листья садом. Территория была обнесена высоким забором из металлических прутьев, позволявших видеть игры хозяина дома с Коломбо – его едва ли не единственной слабостью. С точки зрения Томилина, обнести усадьбу следовало на самом деле не прутьями, а по-настоящему глухим, желательно кирпичным забором.

Об этом он говорил Ренату еще несколько лет назад, когда поселок только строился. А Мансуров в ответ, как всегда, иронично усмехнулся:

– Чудак ты, Сева... Во-первых, поселок охраняемый. Во-вторых, вряд ли я стану бывать тут часто – это в основном для Лиды и ребят. В-третьих, если захотят, и через кирпичный забор достанут...

«Захотеть» с тех пор пытались трижды – если считать с тем эпизодом в клубе, на который Ренат Георгиевич, можно сказать, и внимания почти не обратил. Как-то обошлось... В одном Мансуров оказался прав: свои усилия те, кто пытался достать его, сосредоточивали вокруг офиса и городских апартаментов Мансурова – ясен день, потому что в особняке он бывал хаотично, в кругу семьи редко проводил больше двух-трех дней. Зато рабочий день Рената, когда не было, разумеется, экстраординарных ситуаций, шел по расписанию – четко, как часы. Расписание, а вместе с ним и маршруты, по которым он разъезжал на своем «лендровере», менялись не реже раза в неделю.

– Ну все, Коломбо, все!..

Ренат Георгиевич увидел Томилина, которого в этот момент охранник как раз впустил на территорию, и, кивнув ему в сторону входа в особняк, ласково потрепал прыгавшую вокруг хозяина собаку. Его интонации Коломбо различал прекрасно и, тут же успокоившись, помчался впереди Мансурова к дому.

В холле их уже ждал поднос с двумя чашечками дымящегося кофе, который в доме Мансурова умели варить как нигде: Всеволод Иванович, всю жизнь страдавший от пониженного давления, не уставал гадать над семейным рецептом напитка, от одной чашечки которого лично он получал заряд бодрости не менее чем на полдня. Однако секрет его приготовления Лида, жена Рената, хранила ничуть не хуже, чем ее муж коммерческие тайны. И только посмеивалась над попытками Томилина вызнать его.

– Ну что, – Ренат отхлебнул немного кофе и искоса глянул на своего зама, – придется ехать к господам прокурорам – то бишь следователям.

Он перевел взгляд на старинные напольные часы, украшавшие холл в числе прочей мебели.

– Господин Дубинский Владимир Владимирович, – Мансуров слегка поморщился, – ожидает нас ровно через полтора часа.

– Не понимаю твоего равнодушия ко вчерашнему... – Всеволод Иванович покачал головой, вспомнив, как накануне вечером Мансуров резко пресек первую же его попытку обсудить случившееся. – Извини, но, на мой взгляд, это какое-то странное легкомыслие.

Томилин извлек из внутреннего кармана пиджака мобильный и сердито ткнул в одну из кнопок, его «любимый номер» был запрограммирован не на особу прекрасного пола, которые менялись у холостого Всеволода Ивановича с довольно приличной скоростью, а на личного водителя.

– Подгоняй машину к Мансурову... Да, срочно.

Отключившись, он снова укоризненно посмотрел на своего шефа.

– Ты полагаешь, – усмехнулся тот, возвращая на поднос опустевшую кофейную чашечку, – что я могу позволить сейчас себе роскошь отвлекаться на каждого психа, кидающегося на меня с бутафорским ножом?

– С чего ты взял, что нож бутафорский? – опешил Томилин.

– Так мне показалось. – На этот раз в голосе Рената Георгиевича все-таки мелькнула нотка сомнения. – Во всяком случае, издали...

– Ну не знаю... – Всеволод Иванович припомнил, что нечто странное в орудии убийства почудилось и ему тоже. – Нет, не думало, что ты прав, вряд ли бы, будь нож бутафорский, тебя сегодня вызвали к следователю!

– Не меня, а нас... Всех, включая Лаврова с Качаровым... Ладно, не люблю бессмысленные гадания, поехали!

К облегчению Владимира Дубинского, Мансуров и в реальной жизни производил впечатление вполне достойное. Никакой истеричностью от него не веяло, а единственным капризом с большой натяжкой можно было считать просьбу опросить и его, и Томилина, и обоих охранников одновременно – исключительно в целях экономии времени, тем более что вряд ли они в состоянии чем-то помочь следствию.

Дубинский насчет экономии времени понимал и принимал: в данный момент, после наступившего столичного энергокризиса, время Мансурова действительно ценилось на вес золота... Экстремальная ситуация для него закончится, видимо, еще не скоро.

Не ошибся Ренат Георгиевич и насчет помощи следствию, ничего новенького Володя ни от одного из них действительно не услышал, скорее уж они от него, и касалось это, конечно, все того же загадочного кинжала.

Сам кинжал был уже отправлен на экспертизу, а вот его снимки, сделанные во всех возможных и невозможных ракурсах, Мансурова явно заинтересовали – Володя показал их жертве нападения по его же просьбе, и от него не укрылся огонек, мелькнувший в глазах Рената Георгиевича. Томилин, надо отметить, тоже засверкал очами, к слову сказать, это были именно очи – черные, с длинными, почти девичьими ресницами. Вообще Всеволод Иванович являл собой эдакого цыганистого красавчика, из тех, от кого штабелями падают в первую очередь блондинки. Но его огонек, вспыхнувший, пока оба они с Мансуровым разглядывали фотографии кинжала, объяснялся с полувзгляда: испуг, страх, недоумение...

А вот насчет Рената Георгиевича никакими предположениями Дубинский рискнуть бы не стал: уж больно непредсказуемый тип этот Мансуров, и, несомненно, умен. Пес его знает – может, он просто любитель антиквариата? Во всяком случае, перепуганным точно не назывешь, словно и не его пытался не далее как накануне прирезать неведомый пока что в смысле установления личности психопат.

– Вы уверены, что никогда прежде не видели ни этого кинжала, ни его... условно говоря, владельца? – поинтересовался он.

– Уверен, – покачал головой Ренат Георгиевич. – Странное сочетание этого... орудия и, как вы выразились, исполнителя, верно?

Он пристально посмотрел на Володю, и тому отчего-то сразу сделалось не по себе: смотрит – точно рентгеном просвечивает. Между тем Дубинский перед звездами как шоу-бизнеса, так и экономики и даже политики никаких трепетных чувств отродясь не испытывал, он вообще не страдал такого рода комплексами.

– Да, вы правы. – Взяв себя в руки, он ответил Мансурову как можно короче и холоднее. – Что ж... Осталось подписать заявление и протокол, и в дальнейшем постараюсь беспокоить вас только в случае крайней необходимости.

Когда формальности остались позади и все присутствующие поднялись, дабы распрощаться, ничуть не жалея о том, что встреча подошла к концу, Мансуров, уже направлявшийся к дверям, неожиданно вновь повернулся к следователю.

– У меня единственная просьба, – произнес он, – если удастся установить личность этого юноши... Проинформируйте меня, пожалуйста, по телефону, который я написал на визитке от руки. Всего наилучшего, успеха вам!

Некоторое время Володя еще постоял за своим столом в опустевшем кабинете, прежде чем опуститься обратно на стул. Ему вдруг вспомнились слова жены, когда она позвонила ему ночью по телефону... как там сказала Танюша? С кинжалом кинулся, совсем как в романе! – А вдруг действительно покушались на Мансурова из-за какой-нибудь сугубо личной историйки, до которой хрен докопаешься?!

Вот только этого ему еще не хватало!

Спрашивать Рената Георгиевича насчет врагов и возможного сведения с ним счетов он не стал, чтобы тот не принял его за круглого идиота: у кого, у кого, а у него в этом смысле

среди отечественных бизнесменов наверняка пальма первенства. Недаром же на вопрос, не подозревает ли он сам кого-нибудь, Мансуров только пожал плечами да головой покачал. Ясен день – подозревает. Человек эдак двести – триста, и то это лишь те, которые в первом ряду стоят.

Владимир Владимирович Дубинский тяжело вздохнул, устроился за столом поудобнее и нажал клавишу селектора, связывающую его с приемной шефа, точнее – с его секретаршей.

– Маша? – Он снова вздохнул. – Повтори еще раз, когда сам нас всех собирает? Как это – через пятнадцать минут?! Ах все уже собрались и ждут? Ладно-ладно, сейчас буду...

С отвращением посмотрев на заткнувшийся селектор, Дубинский начал быстренько собирать разбросанные по столу бумаги. Совещания он терпеть не мог, сам их проводил со своими оперативно-следственными группами на манер летучек – быстро и по сути. К сожалению, его шеф подобной оперативностью не отличался. Значит, впереди чистой воды бездарная потеря времени.

«Ладно, – утешил он себя, подымаясь с удобного своего стула, фирменного „Президента“, – сейчас попытаюсь устроиться подальше, желательно за спиной Калины, авось удастся слегка вздремнуть...»

Ему и в самом деле смертельно хотелось спать, но кого волновало, что старший следователь Дубинский «пошел» уже на вторые сутки бессменного бодрствования? Разве что Танюху с Машей, пока что не потерявших надежду дожидаться хозяина дома хотя бы к ужину.

3

Серафима Ивановна Кузина, или просто Сима, целых тридцать лет проработавшая санитаркой в одном и том же отделении психоневрологической больницы № 17, была живым опровержением расхожего мнения о сотрудниках подобных лечебных учреждений. Известно, что в народе бытует убеждение, будто все, кто лечит и обслуживает психических больных, рано или поздно тоже становятся им подобными.

Вопреки всему этому Сима за годы работы в больнице не только не потеряла своего завидного психического здоровья, но и ухитрилась сохранить на редкость уравновешенный характер и безмерное терпение к своим подопечным. Единственным недостатком Серафимы Ивановны при желании можно было считать ее беззаветную, не знающую границ любовь к телевизору, предавалась которой она при любой возможности. Но данная страсть имела свое вполне логичное объяснение.

Сима родилась и выросла в глухой сибирской деревушке, которую вынужденно покинула в возрасте далеко не юном: ей было уже почти тридцать пять годиков, когда партия и правительство приняли решение о строительстве огромного завода по переработке, кажется, сланцев, именно на месте ее родной деревни. Нужно, правда, признать – и без того вымирающей.

Так уж вышло, что в своем серьезном возрасте Сима не обзавелась ни мужем, ни детьми, а из всей ее родни на свете осталась только двоюродная сестра, давным-давно отбывшая в Москву. Серафиме Ивановне и в голову не приходило, что сестра Наташа может не обрадоваться приезду своей единственной родственницы: ведь сама она, сложись все наоборот, точно бы обрадовалась. Кто ж знал, что большие города так меняют людей, как, например, изменила столичная жизнь Наташу!

Размягчить сердце сестрицы не помогла даже приличная по тем временам сумма денег, полученная Серафимой Ивановной за снесенный государством родной дом и удачно проданную в соседнюю, выжившую, деревню корову.

– Не видишь, что ли, сами в двух комнатах целой оравой мучаемся? А уж когда мой Васька нажрется – я и без тебя-то не знаю, куда с детьми деваться!.. Так что, Серафима, давай ищи работу с жильем – хотя бы вот и дворником в домоуправлении...

Насчет дворника – это Наталья, как выяснилось, оказалась большой оптимисткой: дворничьи места по загадочным причинам оказались исключительно блажными, брали только по знакомству и с приплатой. Тем не менее Симе повезло – примерно через неделю она нашла себе место с хорошим, как ей тогда показалось, окладом и со служебной комнаткой, где и работала с тех пор целых три десятка лет. А самым ярким впечатлением от недели, проведенной под крышей сестры, оказался как раз телевизор, увиденный тогда ею впервые: в ее родной деревне и радио-то было не во всех домах.

Впечатление ящичек с живым изображением внутри произвел на Симу, как выяснилось с годами, неизгладимое, ибо свежести его она ухитрилась не потерять даже теперь, когда двадцать первый век, бурливший и шумевший за окнами больницы № 17, еще и не такие чудеса чуть ли не ежедневно обрушивал на головы многострадального человечества, часть которого как раз по этой причине и оказывалась Симиными подопечными.

Конечно, в ее комнатке был и свой собственный телевизор – «Рубин» еще советского производства, купленный на скопленные за первый год работы деньги. Но ни в какое сравнение с чудом современной техники, приобретенным недавно их главврачом и стоявшим в ординаторской, он не шел. Главврач, знавший Симино пристрастие, научил ее управляться с пультом. Однако возможность посмотреть передачи по этому чуду появлялась исключительно после отбоя и при условии, что из врачей дежурил кто угодно, кроме Марины Васильевны – самой молодой из докторов, самой красивой и самой стервозной. Марина Васильевна телеви-

зор терпеть не могла, она обожала телефон, по которому во время дежурств трепалась непосредственно из ординаторской часа по два за один присест.

Но в тот вечер Серафиме Ивановне повезло: дежурил доктор Котельников, тоже молодой, но добрый, а главное – большой любитель женского пола, в связи с чем большую часть дежурства он предпочитал проводить в сестринской комнате – в тот раз с новенькой медсестричкой, которая ничего против его общества не имела. А в итоге у Сима появилась возможность насладиться японским цветным чудом в полном одиночестве – что она и сделала, расположившись в ординаторской.

Серафима Ивановна, не глядя на пульт, нажала первую попавшуюся кнопочку и усталилась на экран: ей было все равно, что смотреть, радовал прежде всего сам процесс. Попала она на вечерние новости и, не слишком вникая в суть, с удовольствием разглядывала прехорошенькую, пышущую здоровьем дикторшу, что-то говорившую о покушении – Сима не поняла на кого. Потом дикторша с экрана исчезла, а вместо нее показали красивые стеклянные двери, за которыми два здоровенных амбала в черных костюмах волокли какого-то хлюпика в яркой куртке.

Куртка на секунду отвлекла Серафиму Ивановну, но она все-таки глянула на лицо несчастного, повисшего в лапах амбалов. Лицо видно было не то чтобы очень, однако сердце Сима само по себе дрогнуло и подпрыгнуло, встревожившись раньше, чем она что-либо сообразила.

«Неужто Колян?..» Конечно, никакой уверенности у нее не было, что на экране мелькнула физиономия Николаши Иванова, одного из ее «несчастненьких», как называла Сима про себя пациентов больницы. Но сердце-то ведь почему-то дернулось? Несмотря на то что такой куртки у Кольки точно не было.

Серафима Ивановна нахмурилась и, посидев немного бездумно уставившись в телевизор, все-таки решила и, поднявшись, неуверенно зашаркала шлепанцами в сторону сестринской, из которой доносился слышный даже из-за двери нервный смех новенькой сестрички. Потоптавшись немного под дверью, Серафима Ивановна припомнила, что Коляна под расписку тому типу выдавал как раз доктор Котельников, поскольку главврач подписал разрешение как раз в день его предыдущего дежурства. Эта мысль придала Симе решимости, и она постучалась в сестринскую, несмотря на хихиканье.

Услышали ее не сразу, стучать пришлось дважды, после чего дверь наконец приоткрылась и доктор с недовольной миной высунулся в коридор.

– Что, опять третья палата? – поинтересовался он, поморщившись.

В третьей палате у них лежал один-единственный на всю больницу действительно буйный пациент, но сейчас он как раз спал, убаюканный хорошим уколом.

– Нет, доктор, – торопливо забормотала Сима, отводя от смущения взгляд в сторону, – Колька там... Иванов...

– Его что – назад привезли в такое время? – Брови Котельникова поползли вверх.

– Нет, доктор, он там... в телевизоре, кажется, он... того... это, вот – покушался!..

– Что, что он сделал? – Доктор вернул брови на место и посмотрел на Серафиму Ивановну странным взглядом, под которым она густо покраснела.

– По телевизору, – от отчаяния Сима заговорила куда увереннее, – Кольку показали, покушался он на этого... фамилию не помню... Ну важный такой, все время его кажут-то...

Она отважно подняла голову и посмотрела на Котельникова и тут же поняла, что он едва сдерживается, чтобы не рассмеяться. Над ней. Не верит, получается... Но Сима была почти уверена теперь, что показали действительно Коляна.

– Серафима Ивановна, – доктор – это было заметно – старался говорить как можно мягче, – милая, вы просто переутомились, сегодня день был... э-э-э... тяжелый... Думаю, вам

показалось, привиделось что-то от переутомления. Не хотите отдохнуть? Вы ведь сегодня не дежурите, можно при желании даже укольчик сделать...

«Он решил, что я сверзилась», – подумала Сима и вдруг рассердилась, а заодно сразу же вспомнила, что Котельникова зовут Александром Ефимовичем, и еще кое-что.

– Александр Ефимович, – сказала Сима твердо, – если вы думаете, что я спятила от телевизора, то ошибаетесь! – В этом месте доктор слегка покраснел, значит, она угадала. – А только вы у нас не так давно работаете и не знаете, что Коля и раньше у нас лежал, и как раз из-за этого самого... Из-за того, что с ножами на людей кидался, и его тут лечили, принудительно – вместо тюрьмы. Ей-богу, это он!

Теперь наконец Котельников посмотрел на Симу как на нормального человека и даже ненадолго задумался.

– Я этого насчет Иванова не знал, – произнес он, почти оправдываясь. – Вы уверены, что не ошиблись?

– Уверена, – сказала Сима, потому что, пока спорила с доктором, действительно почувствовала, что уверена. – А на кого он кинулся, не знаю – телевизор поздно включила, фамилию не расслышала.

Котельников вышел из сестринской, прикрыв за своей спиной двери, хотя Сима специально отвела взгляд, чтобы не видеть, что там внутри делает сестричка.

– Ладно... – вздохнул он. – Если уверены, сейчас все равно уже поздно, а утром напомните мне, я в прокуратуру позвоню, выясню... Вот черт!.. Не помните, кто его под расписку забирал?

– Кажись, сосед матери... У главного все документы...

– Ну да, у главного... Вот пусть главный и разбирается завтра с утра – сам! Он ведь и отвечает за то, что его отпустили, верно? А мы с вами, Серафима Ивановна, даже если этот псих на кого-то там кинулся, за его действия, как люди подчиненные, никакой ответственности не несем!

Серафима Ивановна кивнула и, молча развернувшись, хмуро потащила назад в ординаторскую: Сима терпеть не могла, во-первых, когда ее подопечных называли «психами», тем более доктора; во-вторых, насчет ответственности она понимала совсем по-другому. Ей было жалко Коляна, который сейчас, вместо того чтоб спокойно спать в тепле и тишине, мается где-нибудь в кутузке, где его могут обидеть ни за что ни про что...

А еще Сима поняла, что никто ни в какую прокуратуру звонить не будет – ни главный, ни Котельников. И следовательно, спасти Коляна придется ей самой. Только вот как? Ни где находится прокуратура, ни какой там у них телефон, она понятия не имела.

За спиной Серафимы Ивановны хлопнула дверь сестринской, затем щелкнул ключ, запиравший ее изнутри. Доктор Котельников вернулся к прерванному, видимо, очень веселому вечеру в обществе медсестрички.

У Игоря Калины, прикомандированного в качестве оперативника по делу о покушении на Мансурова к Владимиру Дубинскому, вид был самый что ни на есть кислый. Порадовавшись злорадно этому обстоятельству, Владимир Владимирович, впрочем, предаваться нехорошим чувствам не стал, решив сразу перейти к сути: в определенном смысле Калина являлся для него в сложившейся ситуации даром судьбы. На Варшавке, где проводилась экспертиза по загадочному кинжалу, у Игоря работали сразу две ближайшие родственницы: мать и сестра. Корысть следователя была очевидна: использовать родственные связи опера в интересах дела, ускорив экспертизу. Его собственных связей на это вряд ли хватило бы...

Хмуро выслушав Дубинского, Игорь обреченно кивнул:

– Так я и знал... Учти, с маман по этой части говорить бесполезно, разве что с Веркой... Может, у нее среди химиков и есть кто-то знакомый, общительная она... А что насчет пальчиков?

– С пальчиками все в норме, там компьютер, думаю, к вечеру сделают сверку, и – голову наотрез даю – наш клиент наверняка отыщется.

– А с чего это ты химиков задействовал? – поинтересовался Калина.

– Ну... Считай, интуиция, – не считал нужным вдаваться в подробности Дубинский.

– Интуиция так интуиция, – легко согласился Игорь. – Говоришь, парень по-прежнему ваньку валяет?

Калина знал, что рано утром следователь успел пообщаться с задержанным.

– Я уже не уверен, что валяет, – вздохнул Володя. – Как зовут – не говорит, зато уверяет, что Мансуров его маму убил.

– Чего-чего-о?.. Какую еще маму?!

Глаза оперативника округлились.

– А других вопросов у тебя нет? – немедленно разозлился Дубинский. – Откуда я знаю какую? Говорит – его и что об этом ему сказал какой-то Дима. Тьфу, одним словом... Ладно, давай к делу. Сейчас поедешь в этот чертов клубешник, постановление на изъятие пленок с их видеокамер я тебе приготовил. Держи! Для начала просмотришь все прямо на месте – с этим бывшим ментом, Павленко. Кстати, нечего нос морщить, на меня он произвел впечатление неплохое. Заодно вручишь повестку хозяину клуба – некоему Гордею Васильевичу Сибиркину, ухитрившемуся слинять из заведения в считанные секунды после встречи. Ну все это желательно до шестнадцати часов, поскольку Сибиркина я вызвал на сегодня на шестнадцать тридцать. Ясен пень, пленки с видеокамер привезешь сюда с собой.

– Это все или тебе еще чего-нибудь купить по дороге? – ядовито поинтересовался Калина.

– А ты что думал – все работать будут, а ты отсыпаться поедешь? А насчет купить – хорошо бы... Например, пару гамбургеров, а к ним пивка... Все, Калина, приступай!

– Есть!

И Игорь, с самым официальным видом отдав Дубинскому честь, покинул кабинет следователя в еще более мрачном настроении, чем поначалу. И даже не потому, что, на его взгляд, для одного дня на него свалили слишком много забот – да еще после практически бессонной ночи. Прежде всего потому, что придется теперь вилять хвостом перед сестрицей Веркой, чего он терпеть не мог: младшая сестрица была, с его точки зрения, задавакой и нос перед старшим братом драла в первую очередь благодаря своему, видите ли, высшему образованию, которым Игорь, увы, похвастаться тоже не мог...

В тот момент, когда Калина покидал кабинет Дубинского, произошли еще два события, имевшие самое непосредственное отношение к Мансурову, но на первый взгляд никак между собой не связанные. Одно из них представляло собой вроде бы обычный телефонный разговор по мобильной связи, состоявшийся между двумя серьезными людьми, один из которых к тому же занимал вполне солидную должность. Именно он и выступил инициатором звонка.

– Здравствуй... Ты уже в курсе?

– Видел утром по ящику...

– Думаю, нам здорово повезло... Или ты другого мнения?

– Отчего же... Как раз собирался тебе звонить.

– Прекрасно... Итак?

– Мы готовы стартовать в любой момент... В том числе максимально быстро.

– Удачи тебе...

– Взаимно!

На этом разговор был завершен. А спустя минут десять возле окошечка, за которым нес свою службу дежурный офицер, в просторной приемной Мосгорпрокуратуры объявилась сухонькая старушка деревенского вида – в слегка вылинявшем от частых стирок цветастом платье с юбкой «татьянка», модной в начале пятидесятых годов прошлого века, в теплой вязаной кофте современного рыночного происхождения и беленьком туго накрахмаленном платочке. От бабульки веяло за версту характерным «медицинским» запахом, которым поневоле пропитываются работники больниц и даже поликлиник и который не в силах перешибить даже вездесущий аромат «Шанели № 5» – факт, крайне огорчительный для молоденьких медсестер и врачей.

Дежурный с любопытством посмотрел на робко топтавшуюся в некотором отдалении от него старушку и уже открыл было рот, дабы поинтересоваться, не ошиблась ли та дверью, но в этот момент медицинский запах достиг ноздрей проходившего мимо Игоря Калины, по-прежнему погруженного в мрачные размышления о неизбежном общении с высокомерной Веркой. Однако не настолько глубоко, чтобы не среагировать на «аромат», который терпеть не мог с детства – с тех пор как ему всадили первую в жизни прививку.

– Вам, гражданочка, кого? – Калина притормозил возле бабульки, слегка сморщив нос.

– Мне... – Серафима Ивановна растерянно посмотрела на оперативника. – Мне бы главного по покушениям...

– Каким покушениям? – Игорь моментально наострил уши, забыв про неприятный запах.

Сима уже горько сожалела о своем отчаянном поступке и, наверное, сбежала бы под пристальным взглядом этого здоровенного белобрысого детины с сердитыми серыми зенками, но ее остановила мысль о несчастном Коляне и огромной сумме денег, потраченной на такси. К тому же и отпросилась она у главного «за свой счет».

Про такси ей подсказала та самая новенькая медсестра, с которой накануне развлекался доктор, – с дежурства они вышли вместе, и девица, выглядевшая смущенной (видать, не весь стыд еще потеряла), узнав, какая у Симы проблема, сама вызвалась поймать Серафиме Ивановне машину – у той подобного опыта и вовсе не было.

– Сейчас словим, – пообещала она ей, – а там попросите водителя, он вас и отвезет... Таксисты все такие адреса знают.

Впервые в жизни очутившись в такси, Серафима Ивановна уже тогда пожалела о своей дурацкой затее: не с ее рылом-то в калашный ряд... К тому же от запаха, стоявшего в салоне, ее вдруг слегка замутило.

– Так куда тебя, бабусь, везти? На вокзал какой-нибудь, что ли? – поинтересовался шофер – толстый, как боров, краснорожий мужик. И Сима вдруг, неизвестно почему, рассердилась и от этого почувствовала себя увереннее: подумаешь, такси... У самого-то рожа тоже вполне крестьянская!..

– Сам ты «на вокзал», – засопела она. – В прокуратуру мне!

Слово «прокуратура» застряло у нее в памяти еще с ночи, его несколько раз говорила дикторша.

– Да ну?.. Ишь ты, в прокуратуру, – хохотнул водитель. – Так прокуратур-то в городе куча целая, тебе в какую?

– В главную! – не задумываясь, сказала Серафима Ивановна.

– А у нас и главных две, – садистски фыркнул боров. – Генеральная российская и городская московская!

Теперь Сима немного подумала, прежде чем ответить.

– Давай в московскую, – приняла она решение. Справедливо рассудив, что коли покушались в Москве, то в главную московскую ей и надо...

Между тем здоровенный блондин, тормознувший Серафиму Ивановну, вдруг заговорил с ней совсем другим голосом – не сердитым, а каким-то вкрадчивым, что Симе тоже не очень понравилось. Но ничего не поделаешь, сама же сюда и приперлась...

– Так что за покушение? – терпеливо повторил тот.

– Не знаю я, милый, что за покушение, телевизор я вчера не сразу включила, а как мужика зовут, на которого наш Коленька кинулся, не помню, но он важный такой, все время его кажут. Только Кольку-то вы зазря в каталажку сунули...

Блондин молча открыл, а потом закрыл рот, и вид у него, как отметила Серафима Ивановна, сделался ошарашенный. И она от этого осмелела.

– Коленька – наш пациент, больной он весь насквозь, прямо с рождения, а вы его в каталажку! – сказала она строго. И, подумав, добавила: – Уж не знаю, как там так вышло, а только отдавал его наш главный под расписку, чтобы, значит, Коленька маму свою схоронил. И все честь по чести, доктор говорит, бумаги нужные все есть...

– Круто!.. – выдохнул наконец ее собеседник. – А вы-то, бабуль, этому Колянну кто будете?

– Я ему никто, я санитаркой в нашей больнице работаю.

– В какой больнице?

– В Семнадцатой психоневрологической. Коленька у нас уже в третий раз, считай, лежит...

– Та-ак... А фамилия его?

– Ивановы они. – Старушенция пожала плечами и поглядела на Игоря вопросительно. – Так что сведешь меня ко главному-то по покушениям?..

– Еще как сведу!.. – широко улыбнулся Калина и, забыв про телефон внутренней связи, имеющийся у дежурного, извлек из кармана собственный мобильник.

– Дубинский, ты?.. Слушай, у меня для тебя сюрприз – закачаешься!.. Да нет, скорее приятный, чем неприятный... Сейчас увидишь! Да, по Мансурову... Жди!

Он отключил связь и поглядел на Серафиму Ивановну почти с нежностью:

– У вас, бабуль, паспорт с собой есть? Кстати, разрешите представиться, старший оперативник здешнего ОУВД – Калина Игорь Викторович! А ваше имя-отчество?..

– Серафима Ивановна Кузина я буду... А паспорт у меня всегда при себе!.. – Она на мгновение нахмурилась и снова поглядела на Игоря вопросительно: – А-а-а... Скажи-ка, сынок, нашему-то главному... ничего ему не будет за Коленьку? У нас ведь бумаги есть!

– Ну если бумаги – тогда, конечно, ничего не будет, – заверил ее Игорь. – Это он вас сюда направил?

– Да нет, – Серафима Ивановна отвела глаза. – Я сама по себе... Коляна жалко, как мать померла, совсем один остался теперь. А вы его в каталажку!

– Так мы ж не знали, что он ваш пациент. – Калина мягко подтолкнул Серафиму Ивановну к окошечку дежурного, уже выписывавшего пропуск на забавную бабульку.

– Значит, теперь-то его отпустите? – В глазах посетительницы мелькнула радостная искорка. Обманывать ее Игорь Калина не набрался духа и потому ответил нейтрально:

– А это, уважаемая Серафима Ивановна, не я решаю, а главный по покушениям, к которому мы с вами сейчас и пойдем. То бишь к старшему следователю Владимиру Владимировичу Дубинскому!

4

Александр Борисович Турецкий, старший помощник Генерального прокурора России, только что возвратившийся из длительной, как считал он сам, командировки в Приуралье, пребывал далеко не в лучшем настроении. Ну а если точнее – был по-настоящему зол. Конечно, его слава «важняка», ни разу в жизни не знавшего профессиональных неудач, в определенной степени была, как выражался он сам, «мифологизирована» – не столкнуться с неудачами в его профессии было просто нереально. Однако чувство неудовлетворения от очередного расследования, которое возглавлял Турецкий, в практике Сан Борисовича действительно являлось редкостью. А сейчас именно его-то он и испытывал, вернувшись в столицу из большого индустриального города, расположенного «между Волгой и Уралом».

Его бессменный шеф и давний друг Константин Дмитриевич Меркулов, в кабинете которого и расположился вместе со своим паршивейшим настроением Турецкий, посматривал на подчиненного с сочувствием, пока что помалкивая – то есть давая возможность Александру Борисовичу выговориться.

– В общем, Костя, скажу я тебе то, что уже говорил не раз: за какое предприятие ни возьмись, везде обнаруживаешь одно и то же – столь вопиющие нарушения в процессе приватизации, что фактически всех сегодняшних владельцев заводов, газет, пароходов одним махом, чтоб долго не мучиться, можно брать и сажать в одну камеру. Если бы по прежним временам – половина статей, по которым руки чешутся их провести, вообще расстрельные были.

На этом месте Меркулов, знавший темперамент своего товарища по оружию, счел необходимым внести в разговор собственную лепту:

– Ну это ты, Саня, уже хватил, как говорится, через край. Кстати о приватизации и приватизаторах: телевизор-то ты там успеваешь смотреть? Я имею в виду новости...

– А-а-а, ты имеешь в виду это дурацкое покушение на Мансурова? Да, видел случайно... Надеюсь, нас чаша сия миновала?

– Миновала-миновала, – усмехнулся Константин Дмитриевич. – Горпрокуратура занимается... Да?

Последнее было сказано им в телефонную трубку, один из аппаратов на столе Меркулова в очередной, вероятно, не менее чем в пятый раз за разговор прервал общение начальника с подчиненным.

Александр Борисович с раздражением посмотрел на телефон, затем перевел взгляд на лицо Константина Дмитриевича и насторожился: весь диапазон мимики Меркулова был им за долгие годы изучен не хуже, чем таблица умножения. И то, что он увидел сейчас, без слов свидетельствовало: случилось нечто не просто серьезное, а, можно сказать, из ряда вон. И свидетельствовали об этом не краткие реплики, которые его шеф изредка произносил, отвечая невидимому собеседнику, а на глазах побледневшее лицо Меркулова, сурово сдвинувшиеся седые брови, сжимавшиеся почти в ниточку в паузах губы.

Наконец трубка легла на место и оба собеседника посмотрели друг другу в глаза. Турецкий молча ждал, Константин Дмитриевич, прежде чем заговорить, тоже сделал паузу.

– Вот и не верь после этого в слез, – произнес он наконец.

– Ты это о чем? – осторожно поинтересовался Турецкий.

– Я это о Мансурове... Похоже, сия чаша нас все-таки не миновала, Саня... Ни меня, ни тебя...

Загородные дома Мансурова и Томилина, построенные ими в одно и то же время в начале девяностых, располагались по отношению друг к другу, с точки зрения Всеволода Ивановича, весьма удобно. Его, как он называл собственный особняк, «хата» – ближе к московской трассе,

мансуровская – в глубине поселка. Поэтому, когда Ренат ночевал с семьей, он, прежде чем выехать в столицу, звонил своему заму. Тот в свою очередь предупреждал собственного водителя, и к тому моменту, как машина и эскорт Рената Георгиевича оказывались в зоне видимости Томилина – перед небольшим мостом через местную речушку, больше напоминавшую ручей, Томилин уже ждал своего шефа, готовясь сесть в его «лендровер». Его собственная «десятка», которую он предпочитал любым иномаркам, до самой столицы следовала порожняком – следом за джипом с мансуровской охраной. Таким образом утреннее совещание руководителей «Россвияжэнерго» начиналось, а порой и завершалось еще до прибытия их в головной офис фирмы.

Погода в утро второго дня после покушения на Мансурова выдалась удивительно ясной, свежей и теплой, совершенно не соответствующей уже почти наступившему сентябрю. Именно по этой причине Всеволод Иванович в обществе своего охранника вышел немного раньше, чем требовалось, чтобы подождать своего шефа на свежем воздухе, полюбовавшись не только чистейше-синим небом, но и нарядными купами деревьев подступавшего к дороге леса: на все еще густом темно-зеленом фоне крон то тут, то там светились пока редкие золотисто-желтые и алые пятна начавшей менять окраску листвы.

В свое время Томилин, выросший в давно исчезнувшей подмосковной деревушке, потому и выбрал для своего дома именно этот участок, что соседские постройки были отсюда почти не видны. Если смотреть с определенной точки, можно было вполне даже представить, особенно ранним утром, когда поселок еще спал, что находишься действительно в лесу, в куда большем отдалении от цивилизации, чем на самом деле. Подобное начало дня, как бы недолго ни длилась иллюзия, не просто вызывало у Всеволода Ивановича легкую, приятную ностальгию по деревенскому детству, но и всегда давало заряд хорошего настроения на предстоящий день.

Сегодня, однако, с упомянутой иллюзией ничего не получалось: в знакомый лесной пейзаж, несмотря на ранний час, вписалась чужеродная деталь, заставившая Томилина нахмуриться.

За мостиком, собственно говоря, проходила основная трасса, ведущая к столице, по которой днем сновали машины в обе стороны. Дорога, ведущая к «хате» Всеволода Ивановича, ответвлялась от нее в сторону мостика через ручей, затем некоторое время шла по поселку, превращаясь в его окраинную улицу, после чего вновь закруглялась в сторону основной трассы и вливалась в нее. От остального мира поселок в этом месте отделяли вторые, как их называли местные, «околичные» ворота, разумеется охраняемые не менее строго, чем центральный въезд-выезд.

Ну а чужеродной деталью, испортившей Томилину пейзаж, была обыкновенная машина – довольно-таки потрепанный синий «субару», немного кособоко припаркованный на обочине шоссе чуть дальше развилки. По его виду Томилину отчего-то показалось, что он, во-первых, пуст, хотя стекла у машины были тонированные, во-вторых, что стоит здесь давно и стоять намерен еще долго.

«Странно, – подумал Всеволод Иванович и даже слегка пожал плечами, – если мужик сломался по дороге в Москву, почему, вместо того чтобы вызвать эвакуатор, бросил машину на дороге?..» Но в следующую секунду он начисто забыл про синий «субару», поскольку из-за ближайшей купы деревьев, крайней к мостику, показался нос головного джипа Мансурова, тут же, на повороте на развилку, сбросившего скорость: впереди у джипа был мостик, не считавшийся надежным у владельцев иномарок и действительно требующий пусть и не срочного, но ремонта.

Водитель Томилина при виде эскорта привычно завел движок, и это было кажется, последнее, что зафиксировало сознание Всеволода Ивановича перед разразившимся на его глазах кошмаром...

Взрыв, как запомнилось ему, прогремевший на какой-то почти ультразвуковой, запредельной по громкости частоте, раздался в тот момент, когда серебристый «лендровер», тоже вслед за джипом медленно, достиг мостика. Не верящий своим глазам Томилин с замершим сердцем, в остановившемся времени и сгустившемся пространстве видел, как неестественно медленно начали вначале рассыпаться в мельчайшие осколки передние стекла мансуровской машины, как под комьями вздыбившейся выше верхушек леса земли и сам «лендровер» словно разломился (или выгнулся?) надвое, потом почти мгновенно смешалось все: земля, черно-серые клубы дыма, закрывшие от окаменевшего на месте Томилина и машину, и лес, и мостик, и трассу, и сквозь эту мешанину грязи, грохота, явственно прорывающегося сквозь них отчаянного женского визга, пробился еще один жуткий, смертоносный звук – автоматная очередь, одна... вторая.

Следующее, что понял и осознал Томилин, – свой собственный крик и то, что он, задыхаясь, не мчится даже, а летит туда, в сторону все еще осыпающейся с неба земли, опережая собственного охранника, видя перед собой пятнистые спины высыпавших из первого джипа ребят Мансурова. На какое-то мгновение сердце все-таки подвело его, потому что в лицо Всеволоду Ивановичу словно выплеснулась чаша с тьмой, а когда он отряхнул с себя ее липкие, пахнущие гарью брызги, понял, что находится в крепких объятиях своего охранника, и тут же попытался вырваться:

– Виктор, пус-ст-ти, – то ли прошипел, то ли прохрипел Томилин, но железная хватка Виктора сделалась еще жестче.

– Нет, Всеволод Иванович, нельзя... ему вы все равно уже не поможете, а там вполне может быть еще одна закладка... Нет!..

Ренат Георгиевич Мансуров, как выяснилось, погиб не от взрыва, уложившего на месте и водителя, и сидевшего на переднем пассажирском сиденье Лаврова. Его убили – так же как и находившегося рядом с шефом Сергея Качарова – из «клина». Автоматные очереди Томилина не слышались, они прогремели реально, в момент когда вслед за передними стеклами «лендровера» вылетели задние, со стороны расцвеченного первыми красками осени лесного массива. Стреляли подлю – со спины, со знанием дела. Оба, и Ренат Георгиевич Мансуров, и его личный телохранитель, погибли мгновенно, как зафиксировали прямо на месте прибывшие на место трагедии в самые сжатые сроки судмедэксперты, пули обоим жертвам попали точно в затылок. Четвертое покушение на главу «Россвияжэнерго» достигло цели. Не могло быть ни малейших сомнений, что за ним стояли высококлассные профессионалы...

Томилин, так и не сумевший вырваться из рук Виктора, уже не видел, что именно происходит возле искалеченного «лендровера», который от него заслонили спины людей, высыпавших из обоих джипов, которые каким-то чудом практически не пострадали. Его взгляд, растерянно шаривший по сторонам, метнулся в сторону развилки, затем трассы... И Всеволод Иванович вдруг понял, что синий «субару», показавшийся ему пустым, больше не стоит на обочине: незнакомая машина исчезла, словно ее и не было там никогда.

– «Субару»... – пробормотал он.

– Что вы сказали? – Виктор слегка ослабил хватку.

– Ты должен был видеть – там, на обочине... Он исчез! Ты видишь? Исчез!

Виктор недоуменно проследил за взглядом шефа и вдруг сообразил, что тот имеет в виду, и едва не выпустил Томилина из рук.

– Ёханный бабай! Точно... Видел я там какие-то колеса... Вот это фишка!..

– Это был «субару». Синий, я помню... Я видел... Надо сказать!

– Скажем! – заверил его охранник. – Скоро приедут менты, вот им и скажем, а сейчас, Всеволод Иванович, пойдете-ка в дом: видок у вас не приведи господи...

– Никуда я не пойду! – попытался воспротивиться Томилин, но его Виктор был из тех упрямых до тупости профи, всякое сопротивление которым бесполезно.

– Уволю! – уже исключительно для проформы рявкнул Всеволод Иванович, влекомый железной лапой охранника в сторону «хаты».

– Уволите-уволите, – спокойно согласился с ним тот. – Вот только до дома дойдем – сразу же и уволите!..

Сформированная в срочном порядке оперативно-следственная группа, возглавил которую Александр Борисович, собралась в его кабинете поздно вечером. Вместе с ним на сей раз руководство делил начальник Первого департамента МВД России, старый друг Турецкого Вячеслав Иванович Грязнов, в просторечии – Грязнов-старший, поскольку младший, его родной племянник Денис, глава ЧОПа «Глория», также имелся в наличии. И сам Денис, и его сотрудники изредка даже помогали негласным образом и дядюшке, и Александру Борисовичу в расследованиях – в случае если официальными операми по каким-либо причинам обойтись было невозможно...

Турецкий, закончив писать что-то в своем пухлом и потрепанном от частого употребления блокноте, поднял голову и оглядел собравшихся, у большинства из которых был крайне утомленный вид. У кого-то – потому что почти весь день провел на месте трагедии, кто-то попал в кабинет Сан Борисыча прямехонько с ночного дежурства. У следователя Мосгорпрокуратуры Владимира Дубинского, занимавшегося в данный момент первым покушением на Мансурова, глаза, например, были красные, и он явно боролся с почти непреодолимым желанием хотя бы на пару минуточек их прикрыть.

Александр Борисович Дубинскому сочувствовал, но не пригласить его сюда просто не мог. О деталях первого покушения остальные члены группы толком проинформированы не были, а эта информация могла стать необходимой любому из присутствующих в процессе расследования убийства. В полном объеме ею владел только Дубинский...

Самой свежей и, как всегда, хорошенькой выглядела Галя Романова – оперативник Первого Департамента МВД, вошедшая в группу Турецкого вместе со своим старшим коллегой Володей Яковлевым. Володя в свою очередь ухитрился выглядеть одинаково всегда: немного вальяжный, всегда словно чуть-чуть сонный, тщательно прячущий за тяжелыми веками взгляд умных серых глаз. По его круглой, добродушной физиономии трудно было догадаться, что практически весь сегодняшний день он провел на месте взрыва, вникая в каждую деталь, ползая вместе с остальными по пыльной дороге и ближайшему лесу, выковыривая из покореженного «лендровера» попавшие в него пули, отыскивая гильзы, – и вообще, почти до самого заката он проводил вместе с местными областными операми все необходимые оперативные действия.

Стоило добавить к этому и опросы свидетелей, чтобы понять ту степень усталости, какая должна была владеть сейчас Яковлевым и представлявшим там, на месте, Генпрокуратуру Валерием Померанцевым, одним из лучших следователей из находившихся в распоряжении Турецкого. Валерий, в отличие от Яковлева, именно уставшим и выглядел.

Размышления Александра Борисовича о членах предоставленной ему команды прервал звук открывшейся двери, и все присутствующие, кроме него самого, попытались встать, но были остановлены обоими вошедшими, которые дружно замахали на подчиненных руками: как Константин Дмитриевич Меркулов, так и Вячеслав Иванович Грязнов.

– ...Так что, Слава, – на ходу завершая их беседу, проговорил Меркулов, – ничего из этого, к сожалению, не получится.

– Из чего ничего не получится? – поинтересовался Турецкий, дождавшись, когда оба протиснутся к его столу и рассядутся на приготовленных для них стульях.

– Да вот, – Слава Грязнов кивнул в сторону Меркулова, – твой шеф горько сожалеет, что оба дела по Мансурову нельзя в одно объединить.

– Нельзя, – кивнул Турецкий и с интересом посмотрел на Константина Дмитриевича, – статья сто пятьдесят третья УПК РФ не позволяет, поскольку преступления совершены явно разными лицами. Этот, который с ножом, при всем желании не мог отличиться сегодня, поскольку все еще находится в КПЗ.

– Вот и я говорю, – сердито перебил его Меркулов, – как, спрашивается, соблюдать законность, если сам же закон мешает это делать?!

– Но, Костя, – усмехнулся Сан Борисович, – почему ты, собственно говоря, так убежден, что в обоих случаях заказчик один и тот же?..

– А ты сам разве в этом не убежден? – Брови Меркулова слегка округлились. – А то, что потерпевший один и тот же, это что, случайное совпадение, что ли?!..

– Ну чего ты злишься? – Турецкий примирительно пожал плечами. – В совпадения я верю не больше, чем ты. Но ведь всякое случается, верно?

– Короче, – сухо бросил Меркулов, – забираешь оба дела себе, как договаривались, коли объединить их в одно нельзя...

– При одном условии, – поспешно ответил Сан Борисович.

– Что еще за условие?

– Дело забираю, но вместе со следователем...

– То есть?

– С его работой, Костя, я ознакомился еще в первой половине дня. – Турецкий кинул быстрый взгляд в сторону Дубинского, все-таки прикрывшего на минутку глаза. – Во-первых, парень в материале. Во-вторых, насколько я успел понять, мужик головастый... Почему – сейчас говорить не стану, подождем результатов экспертизы этого антикварного орудия убийства...

– Антикварного? – недоуменно переспросил Меркулов.

Александр Борисович в ответ улыбнулся и, покопавшись в бумагах на своем столе, извлек одну из них, но Константину Дмитриевичу ее не передал, использовав для себя в качестве шпаргалки.

– Вот послушай. – Он незаметным движением подхватил со стола очки и нацепил их на нос. – Полагаю, ты в курсе, что в райской стране Испании была целая куча революций? Погоди, Костя, дай сказать, а то я и без твоей помощи запутаюсь. Из всех экспертиз, назначенных Дубинским по кинжалу, которым некий Иванов Николай Викторович, пациент психоневрологической больницы номер семнадцать, пытался заколоть Мансурова, одна дала результат сразу. Помнишь старика?..

– Какого? Ювелира?

– Точно. Его, оказывается, не только мы к делам привлекаем! Словом, данный кинжальчик произведен в далекой Испании, в конце восемнадцатого – начале девятнадцатого века в рамках школы знаменитого тамошнего оружейных дел мастера Гарсиа Эспартера – любимца короля Альфонса Двенадцатого, возведенного на престол в результате очередной революции в тысяча восемьсот семьдесят четвертом году! – Последнюю фразу Турецкий зачитал и с облегчением снял очки. – Но отнюдь не самим Эспартера, тем более что сделан он гораздо позже. Подделка, одним словом, но все равно антиквариат.

– Ни хре... Вот это да, – не вынес и встрял Грязнов-старший. – И откуда, спрашивается, у этого психа такая штуковина?!..

– В этом весь вопрос, – кивнул Турецкий. – А что касается Дубинского и назначенных им экспертиз – кто знает, возможно, одна из них и поможет выйти на заказчика...

– Ладно, – буркнул Меркулов и, покосившись в угол, где дремал Владимир Владимирович, усмехнулся, – забирай этого спящего красавца в свою группу. Да и вообще, кого хочешь забирай – лишь бы дело, не приведи господи, не зависло.

– Вижу, ты уже сегодня наговорился с представителями хай-класса? – Александр Борисович сочувственно посмотрел на шефа, физиономия которого немедленно сделалась страдальческой. – Ладно, не бойсь, Костя... И давайте-ка за дело!

Турецкий развернулся наконец в сторону коллег, заждавшихся того момента, когда руководство завершит междусобойчик и вспомнит о них – оперативниках и следователях.

– Приступаем, господа. – Он с подчеркнутой серьезностью оглядел лица собравшихся. – Все вы в курсе ситуации, и для начала мне хотелось бы послушать вас, после чего определимся и с планом расследования, и с распределением заданий. Кто-нибудь аккуратненько разбудите Дубинского.

Галя Романова не выдержала и улыбнулась, а сидевший ближе всех к Володе Померанцев без особых церемоний ткнул того под ребро.

– А?.. – Дубинский, не сразу сообразивший, что происходит, заметно подпрыгнул на своем стуле, глянул по сторонам и, наконец, поняв, почему всеобщее внимание приковано к его персоне, жутко смутился.

– Извините... – Он виновато поглядел на Турецкого.

– Ничего-ничего, – улыбнулся Сан Борисович вполне поощрительно. – Мы в курсе, что вы заполучили этот «сюрприз» непосредственно на дежурстве и, судя по всему, отоспаться за два дня так и не успели. Владимир Владимирович, к сведению и вашему, и остальных: вы с этого момента введены в состав оперативно-следственной группы по делу о преднамеренном убийстве Рената Георгиевича Мансурова. Заниматься, однако, по-прежнему будете первым покушением.

Дубинский растерянно кивнул.

– Если вам сейчас не трудно, расскажите, пожалуйста, теперь уже всем присутствующим, и о покушении, и о том, какие следственные мероприятия вами проведены, какие планируются.

Только спустя два часа Турецкий, Меркулов и Грязнов остались наконец втроем, распределив между своими подчиненными первые задания: время близилось к полуночи.

Александр Борисович молча выставил на маленький журнальный столик у окна три рюмки и полбутылки коньяка, извлеченного из сейфа, так же молча разлил напиток и, пробормотав традиционное «Прозит!», одним махом проглотил свою порцию. Его примеру последовали Грязнов с Меркуловым, после чего первым заговорил Константин Иванович.

– Ну что, будем обсуждать весь список версий или...

– Если весь – домой только к утру попадем, – перебил его Слава Грязнов, а Турецкий покачал головой:

– Пессимисты вы, ребята, все-таки... Версий на самом деле немного: хозяйственная деятельность пострадавшего – раз...

– Издеваешься? – буркнул Грязнов.

– Ну если только над самим собой... Да, так вот: политическая – два. Ну и, наконец, что маловероятно, – личная неприязнь – три... Другое дело, что подозреваемых по каждой, думаю, наберется столько, что мало действительно не покажется. Думаю, какой-то круг хотя бы по одной из них начнет потихонечку проступать после разговора с заместителем Мансурова...

– С Томилиным? – вступил в разговор Меркулов. – Чуть не забыл: ты его вызвал на завтра на десять, верно?

Турецкий кивнул.

– Жаль, не смогу поприсутствовать, меня на это время сам вызвал.

– Ничего, думаю, мы со Славой и вдвоем управимся.

– Не слишком многого ты от него, Саня, ожидаешь? – поинтересовался Меркулов.

– Кто сказал, что я от него ожидаю многого? Но Томилин, насколько известно, был для покойника не только замом, они еще и дружили, можно сказать, домами... То бишь домом.

– Это как? – заинтересовался Грязнов.

– Примерно как мы с тобой, – ухмыльнулся Сан Борисович. – Поскольку ты у нас, Славка, убежденный холостяк, с семейными людьми ты не можешь дружить «домами», исключительно «домом»...

– А-а-а, теперь ясно: супруга Мансурова изредка из жалости звала Томилину в гости, чтобы наконец накормить по-человечески, как меня твоя Ирина Генриховна: исключительно из всеобщего человеколюбия, гуманизма и демократизма!

– Примерно... Словом, есть надежда, что после общения с Всеволодом Ивановичем туман слегка рассеется.

– А не мог этот друг его сам заказать? – Меркулов задумчиво посмотрел в окно. – Ведь в данной ситуации – я имею в виду устранение Рената Мансурова – Томилин, несомненно, выигрывает по всем статьям. Во-первых, автоматически оказываясь во главе такой махины, она же бездонное корыто, как «Росвияжэнерго». Во-вторых...

– Костя, давай не будем гадать? – мягко прервал своего шефа Александр Борисович. – Вот поглядим мы на него завтра со Славой – тогда уж и погадаем... В меру, конечно... Хотя, если честно, насчет того, что заказ – его, я сомневаюсь заранее.

– Почему?

– Все очень просто. Эти двое господ, по идее, врагов должны иметь по преимуществу общих, поскольку все дела и делишки, на которых их мог поймать покойный, он проворачивал и вершил в паре с Томилиным. Я тут поинтересовался, поворошил кое-какие старые СМИ, в Интернет прогулялся и кое-что любопытное выяснил.

– Говори – не томи! – встрял Слава Грязнов, поскольку Турецкий сделал паузу.

– Я не томлю – вспоминаю, с которого именно восемьдесят какого-то года их имена начали упоминаться в прессе рядышком... Как вы понимаете, к тому моменту, как Мансуров начал едва ли не символизировать вместе с еще парой персонажей перестроечные и постперестроечные реформы, Томилин уже был при нем. Это раз.

– Что, еще и «два» есть?

– А как же ж?.. Но это, братцы, уже из сугубо гуманитарной области... Славка, заткни уши, ты про психику, равно как и про психологию, не любишь!

– Валяй, стерплю как-нибудь, – буркнул Вячеслав Иванович.

– Ну гляди, сам напросился... Кто-нибудь из вас по жизни с Мансуровым сталкивался?

– Ну я... А что? – подозрительно поглядел на своего подчиненного Константин Дмитриевич.

– Ну и как он тебе? Я имею в виду – как бы ты охарактеризовал мансуровскую личность?

– Не могу сказать, что знал его близко, – пожал плечами Меркулов. – Но впечатление о нем, как ни странно, в общем неплохое... Несомненно умный. По-моему, ироничный... И неправдоподобно сдержанный... Такое чувство, что у мужика не было ни единой слабости, вот как раз это в нем и раздражало... слегка.

– Тебя слегка, а кого-то, возможно, и куда сильнее, – произнес Слава Грязнов.

– Славка, не уводи от темы! – усмехнулся Турецкий. – Ты же, Костя, сейчас нам нарисовал несомненно сильную личность.

– Кто б сомневался? – удивился Меркулов. – Да будь он послабее – ему бы не только такой карьеры не сделать или там не удержать в руках такой концерн, но, пожалуй, и помереть бы в итоге не своей смертью не удалось... Тьфу, я, по-моему, со всего того уже заговариваться начал... Слушай, Саня, ты, собственно говоря, с какой стати ко мне с его характеристикой прицепился?!

– С той, что две сильных личности в одном флаконе долго не удерживаются, Костя! А следовательно, Всеволод Иванович Томилин персонаж Мансурову далеко не равноценный, а поскольку при этом вряд ли дурак, то и сам понимает разницу между собой и покойным ныне шефом!

– Ну не знаю, как ты, Костя, но я точно не понял, каким образом это снимает с него в Саниных глазах подозрения, – вздохнул Грязнов.

– Я ж говорил – заткни уши, – фыркнул Сан Борисович. – Вот представь, что ты человек информированный, абсолютно в своей сфере профессиональный, но при этом принимать решения способен лишь до определенного уровня. Решения, имеющие глобальные последствия, тебя, в частности, пугают, но тебе их на протяжении многих лет и не надо принимать: для этого рядом всегда есть Мансуров.

– И вдруг он исчезает, – подхватил Меркулов. – М-да... Если ты прав, Саня, Томилину сейчас должно быть крайне неуютно. Но это если прав! А как насчет варианта, при котором он с годами обрел внутреннюю уверенность, что вполне мог справиться и без сильной мансуровской личности?

– А насчет этого – читай пункт номер один про общих личных врагов, – рассмеялся Турецкий. – Насколько я знаю, отстреливаться из положения спина к спине, когда окружают тебя со всех сторон, куда сподручнее, чем в одиночку. Ладно, братцы, пора по коням... Ирка моя за последние три часа не позвонила ни разу, – следовательно, приняла решение смертельно обидеться на позабывшего дорогу домой мужа.

5

И среди коллег-бизнесменов, и вообще среди тех, кто знал достаточно близко главу концерна «Русь-металл» господина Вагина, Руслан Петрович слыл человеком верующим. Собственно говоря, так оно и было. Поэтому то, что раннее утро следующего после гибели Мансурова дня застало Руслана Петровича на входе в храм, прихожанином которого он числился, исключительным фактом не являлось.

Терпеливо выстояв раннюю обедню в обществе двоих личных охранников, переминавшихся за спиной шефа и неуверенно крестившихся вслед за ним в положенных местах службы, Вагин подошел к священнику, благословлявшему прихожан, в числе последних и, приложившись к кресту, улыбнулся батюшке.

– Я уже давно обратил внимание, – произнес он негромко, – канун¹ у нас не нов, да и маловат для такого храма. Могу я пожертвовать на новый? И довольно ли будет для этого, скажем, тысячи долларов?

– Благослови вас Господи, – глаза священника невольно округлились, – только, Руслан Петрович, на то, чтобы канун поменять, и половины вполне бы хватило.

– Ничего, батюшка, – усмехнулся Вагин, – полагаю, если что останется, так у храма ведь и иные расходы имеются – во славу Божию...

– Благослови тебя Господи, сынок, – растерянно пробормотал священник, все еще недоверчиво провожая взглядом пачку стодолларовых купюр, исчезающую под пальцами Вагина в прорези ящика для пожертвований, стоявшего возле алтаря, и мысленно благодаря Бога за то, что у богатого прихожанина хватило такта опустить деньги именно туда, а не сунуть в руки ему лично.

Склонив голову под благословение, Руслан Петрович между тем, прежде чем выйти из храма, подошел уже во второй раз за утро к распятию и, перекрестившись, прошептал так тихо, что даже следовавшие за ним по пятам охранники не разобрали:

– Господи, благодарю Тебя за избавление от врага видимого, иноверца без имени, в Твоей Книге жизни не вписанного!..

И лишь после этого счел возможным покинуть маленькую церквушку, в которой и отстоял службу: Руслан Петрович Вагин втайне гордился тем, что предпочитает свой маленький и ничем особым не примечательный храм роскошным соборам, считая это исполнением одного из послушаний, посланных ему Богом...

Когда его черный «мерседес» достиг головного офиса «Русь-металла», никто уже, включая охранников, не признал бы в господине Вагине того смиренного прихожанина, каким он являлся еще полчаса назад. Крепкий, широкоплечий, немного приземистый блондин с острым взглядом холодноватых серых глаз и уверенно сжатыми, твердыми губами, недавнего жертвователя не напоминал решительно ничем. Проществовав по длинному, устланному ковровой дорожкой коридору к своему кабинету среди почтительно расступающихся перед грозным шефом, снующих из кабинета в кабинет сотрудников, он достиг своей просторной приемной и, прежде чем войти в святая святых фирмы, на ходу бросил вышколенной секретарше:

– Соедини меня с Томилиным... Хотя нет, вначале свяжись с администрацией, узнай, когда похороны, нужен текст соболезнования, венки от меня лично. Насчет Томила выясни, на месте ли. Кофе готов?

Кофе, разумеется, был готов. И вскоре глава «Русь-металла», а также один из наиболее крупных акционеров осиротевшего концерна «Россвияжэнерго» господин Вагин, хмуро отхле-

¹ *Канун* – специальный стол со множеством подсвечников, на который ставятся свечи о поминовении усопших.

бывая обжигающий, ароматный напиток, выслушивал сообщение своей секретарши о том, что Всеволод Иванович Томилин на месте отсутствует.

– Он в прокуратуре, Руслан Петрович, – робко доложила девушка. – Говорят, вряд ли освободится раньше полудня, они ждут его к обеду, но это не точно...

– После двенадцати позванивай к ним в офис, как только Томилин объявится, соедини меня с ним... Что насчет похорон?

– Полной ясности пока нет, сказали, никто пока не знает – из-за судмедэкспертизы, что ли...

– Ладно, свободна. Хотя нет, вызови ко мне Каретникова, а летучку перенеси на час. Пока все.

В ожидании своего первого заместителя Валентина Каретникова Руслан Петрович слегка расслабился и даже, совершенно для себя неожиданно, тихонечко икнул. Поспешно глотнув вслед за этим кофе и припомнив народную примету – икается, когда тебя кто-то вспоминает, – усмехнулся: господин Вагин ничуть не сомневался, что в прокуратуре, куда, как выяснилось, отправился Томилин, без упоминания о его персоне никак не обойдется. Но это обстоятельство его в данный момент ничуть не волновало.

Кофе был допит как раз вовремя – Валентин Каретников, подтянутый молодой человек в строгом черном костюме и белой рубашке, с аккуратно завязанным полосатым галстуком, объявился на пороге кабинета, держа в руках солидную по объему кожаную папку. Бросив на нее взгляд, Руслан Петрович одобрительно кивнул. За что он ценил Каретникова в первую очередь – так это за сообразительность. Насколько Вагин помнил, в серой кожаной папке находились документы по Сибирской ГЭС, которые и интересовали его наиболее остро в настоящий момент...

– Экспертное заключение геологов догадался прихватить? – поинтересовался он, сухо ответив на приветствие Валентина.

– Конечно, Руслан Петрович...

– Что ж... Садись, приступим...

В соответствии с приметой, нет ли, но относительно упоминания в прокуратуре его имени глава «Русь-металла» не ошибся. Хотя и произошло это несколько позже, чем он предположил.

Всеволод Иванович Томилин прибыл в кабинет Александра Борисовича Турецкого точно к назначенному времени, и первое впечатление, которое произвел и на него, и на Грязнова, было одинаковым: ночь заместитель Мансурова провел явно бессонную.

– Хотите кофе? – Турецкий сочувственно посмотрел на бледное, осунувшееся лицо Всеволода Ивановича, на глубокие тени под темными, потускневшими глазами.

– Знаете, не откажусь... – вздохнул Томилин. – Почти всю ночь с Лидой просидел... Дети, оба в отъезде, придут только сегодня к вечеру. Лида в жутком состоянии!

– Они были дружной парой? – поинтересовался Турецкий, а Вячеслав Иванович Грязнов незаметно включил записывающую аппаратуру.

– Несомненно, – кивнул Томилин и вздохнул. – По крайней мере, на моей памяти никаких конфликтов никогда не возникало. А это уже больше пятнадцати лет.

– Вы так давно знакомы с Мансуровым?

– На самом деле гораздо дольше... Ренат дружил с моим покойным отцом, он же старше меня на десять лет. Отец, – пояснил он, – тоже работал до середины восьмидесятых в Министерстве тяжелой промышленности, прямо на работе и скончался: обширный инфаркт. Тогда количество проблем, связанных с экономикой, уже, я бы сказал, превысило критическую массу, а мой отец все принимал слишком близко к сердцу, в отличие от Рената, он был убежденным партийцем...

– И после смерти отца, насколько понимаю, именно Мансуров устроил вас в свой отдел?
– Нет, я пришел в министерство еще до папиной смерти, сразу после института. Устроил меня, как вы выразились, сам отец. Но в отдел к себе Ренат меня действительно забрал сразу после этого.

– Всеволод Иванович, – Турецкий мягко поменял направление разговора, – я понимаю, что сейчас собираюсь задать вам достаточно тяжелый, сложный вопрос, но он неизбежен: вы подозреваете кого-либо в убийстве вашего друга и шефа?

Томилин горько усмехнулся:

– Я мог бы ответить вам: всех или никого. Но это не ответ, верно? У Рената... у нас с ним за эти годы было столько тяжелых, конфликтных ситуаций – боюсь, я не в состоянии упомянуть все. Я имею в виду – в деталях. А вот людей, замешанных в них, находившихся по ту сторону баррикад, – да, помню. Только если я сейчас начну называть вам их имена, боюсь, более чем до половины из них «не дотянетесь» даже вы... Так какой тогда смысл?

Всеволод Иванович явно разнервничался, лицо его слегка порозовело, в глазах появился сердитый блеск. Слава Грязнов не выдержал и зло фыркнул:

– Во-во! Вначале заявляете, что мы «не дотянемся», а потом начинаете упрекать на всех углах, что очередное следствие по очередному заказняку пять лет тянется.

Томилин вспыхнул и хотел что-то возразить, но Александр Борисович пресек возможную дискуссию на корню:

– Давайте-ка данную сторону вопроса пока оставим. – Он кинул на Грязнова быстрый сердитый взгляд. – Всеволод Иванович, поверьте, лезть во глубину веков никакого смысла, во всяком случае пока, нет. Давайте вместе подумаем, постарайтесь припомнить все наиболее острые ситуации всего лишь за последний год. Исключая пресловутый московский энергокризис... Мы в курсе, что Мансуров по нему уже фактически полностью отчитался, ознакомились с пакетом его последних распоряжений. Лично я не нашел никого, кто был бы ими задет настолько, чтоб решиться на убийство.

– Согласен, – Томилин сразу же обмяк, на его лице вновь отчетливо проступили следы усталости. – Что касается вашего вопроса, сейчас попытаюсь... Что у нас было год назад?

Он нахмурился и на некоторое время погрузился в задумчивость.

– Знаете, – негромко попробовал подсказать ему Александр Борисович, – я созванивался тут с вашим старым знакомцем – главой объединения промышленников и предпринимателей.

– С Григорьевым? – автоматически уточнил Всеволод Иванович.

– С ним. Так он в ответ на вопрос о его личных предположениях сказал, что, на его взгляд, искать заказчика следует, как он изящно выразился, «на голубом экране». Чаще всего у нас, это известно, по телевизору мелькают отнюдь не бизнесмены, а политики. Ну или те, кто и политикой, и бизнесом занимается одновременно.

Всеволод Иванович слегка пожал плечами и посмотрел на Турецкого с сомнением:

– Ну не знаю... Конечно, противники реформ, которые Ренат предлагал в последнее время, были. Но в свое время и в куда худшие годы их было еще больше, однако убить его за это никто не пытался!

– Например? – поинтересовался Грязнов. – Я имею в виду и реформы, и их противников.

– Да зачем далеко ходить? Десять... Нет, пожалуй, уже двенадцать лет назад именно Ренат предложил отменить экспортно-импортные льготы для Национального фонда спорта и для «афганцев», а вы, вероятно, догадываетесь, что это такое. И ведь его предложения тогда приняли!

– Мы не просто догадываемся, – усмехнулся Турецкий. – Я лично, да и Вячеслав Иванович тоже, знаете, сколько тогда головной боли поимели с теми же «афганцами», да и со «спортсменами»? Дело за делом – и все на одну тему! То водка льготная, то табак, то поддельные лекарства – и все по этим каналам... Помнишь, Слав?

– Такое, пожалуй, забудешь!

Томилин с интересом поглядел на Александра Борисовича, затем на Грязнова и, наконец, кивнул:

– Вот видите... А что такое бывшие «афганцы» и какие там суммы были задействованы и для каких людей – говорить не приходится! Однако никто тогда убить Рената не пытался.

– Вот поэтому, – пояснил Турецкий, – я и рассматриваю политическую версию, во-первых, как наиболее маловероятную, а во-вторых, прошу вас еще раз припомнить самые тяжелые и самые «денежные» конфликты последнего времени.

– Ну из самых последних, – решительно произнес Томилин, – и думать долго не надо. С Вагиным, конечно!..

– Кто такой Вагин? – быстро поинтересовался Грязнов.

– Он глава концерна «Русь-металл» и наш довольно крупный акционер...

Суть же конфликта, который имел в виду Томилин, как выяснилось, заключалась в следующем. Наиболее крупные пакеты акций, имеющиеся у «Русь-металла», были пакетами Сибирской ГЭС. Около года назад в прилегающем к ней регионе геологами были обнаружены огромные залежи редкоземельных металлов.

– Включая золото, – пояснил Томилин. – И не говоря об алюминии, марганце и даже титане... Если помните, строительство ГЭС сейчас все еще на стадии заморозки, не хватает, как обычно, средств. В общем, когда результаты геологоразведки были получены, Руслан Петрович потребовал у Мансурова контрольный пакет акций. Проект стоит ни мало ни много пять миллиардов долларов.

– Впечатляющая сумма, – кивнул Турецкий.

– А теперь представьте, что ГЭС достроена – там, в сущности, осталось вложить не так уж и много средств, во всяком случае по сравнению с уже вложенными. Да, так вот. Когда ГЭС войдет в строй, в самые сжатые сроки можно будет приступить и к разработке месторождений, завод соответствующий построить и... Словом, все остальное, вероятно, особых пояснений не требует: прибыль по сравнению с затратами ожидается, я бы сказал, фантастическая.

– Как я понимаю, делиться с Вагиным Ренат Георгиевич отказался, – усмехнулся Грязнов.

– Категорически, – кивнул Томилин.

– И что же, с вашей точки зрения, Руслан Петрович относится к категории людей, способных на крайние меры? – осторожно поинтересовался Александр Борисович.

– Я этого не говорил! – Томилин вновь покраснел. – Вагин, к слову сказать, верующий, в церковь, говорят, даже ходит. Вы же просили рассказать о крупных конфликтах, а не назвать тех, кого я подозреваю в убийстве?!

– Зря вы так нервничаете, Всеволод Иванович, – остановил его Турецкий. – Мы ведь и не говорим, что подозреваем Вагина, верно? Но тем не менее, если даже все окружение Рената Георгиевича верующие, как вы выразились, и вообще сплошь милые люди, кто-то все-таки Мансурова убил!

– А что касается ситуации с ГЭС, – добавил Вячеслав Иванович, – вы и без нас знаете, что, к несчастью, физическое устранение конкурента по бизнесу, особенно когда речь идет о запредельных суммах, у нас не редкость... К тому же, как правило, после такого устранения люди, приходящие на место непобедимого конкурента, обычно становятся куда стоворчивее, чем их предшественник: психология!

При этих словах Вячеслав Иванович не удержался и бросил на Сан Борисыча торжествующий взгляд: мол, если нужно, так и я психолог, не только ваша светлость с Меркуловым такие умные!..

– Кроме того, – Турецкий продолжил, не обратив на Славу внимания, словно вовсе ничего особенного не услышал, – вы же, Всеволод Иванович, надеюсь, не думаете, что мы немедленно после нашего разговора побежим арестовывать Вагина?

Томилин слабо улыбнулся и покачал головой.

– Нет... Простите, что я отвлекаюсь, – сказал он, – но я, конечно, понимал, какого рода вопросы от вас услышу. Но думал, что прежде всего вы будете расспрашивать о... о взрыве и о той машине...

Александр Борисович тоже улыбнулся:

– Самим покушением сейчас занимается Валерий Александрович Померанцев, наш следователь, а синий «субару» уже активно ищут, не беспокойтесь об этом. Вас Померанцев наверняка вызовет в этой связи в ближайшие дни. Можем мы вернуться к нашей сегодняшней теме? Вот и отлично. Что еще приходит вам в голову помимо конфликта вокруг ГЭС? Насколько знаю, проектов такого рода у Мансурова всегда было несколько одновременно.

Прежде чем ответить, Всеволод Иванович с минуту думал и наконец пожал плечами:

– Знаете, вообще-то вы правы. Но, во-первых, таких, в которых задействованы подобные суммы, на самом деле не так уж и много, во всяком случае в последнее время. Во-вторых, часть из них как раз в последние месяцы была благополучно завершена, ко всеобщему удовлетворению. Что касается новых – есть два действительно крупных, но ими мы предполагали вплотную заняться только после возвращения из Штатов. Неизвестно, сколько времени там мог занять процесс, знаете, американское законодательство такое: волокиты на самом деле не меньше чем у нас, если не больше!

– Надо же! – Александр Борисович шелкнул пальцами. – А ведь я об этом слышал, но из головы как-то напрочь вылетело! А вы, Всеволод Иванович, судя по всему, эту ситуацию и за конфликт не считаете?..

Ничего не понявший Грязнов отметил, как округлились глаза Томилина.

– Вы... Вы что же, хотите сказать... Ну что вы! Это же Штаты, там никому и в голову не придет... Простите, но заказ, на мой взгляд, увы, явление сугубо наше, отечественное! Нет, ну что вы! Я лично знаком с Криссом Шрадером – интеллигентнейший человек, профессор. До сих пор не верю, что он так оступился!

– Не могли бы вы, – вкрадчиво поинтересовался Грязнов, – пояснить, о чем вообще идет речь?

Уловив в голосе друга обиду, Турецкий повернулся к нему и поспешно кивнул:

– Конечно, но лучше, если это сделает Всеволод Иванович, сам я об истории с профессорами слышан исключительно в общих чертах.

– Вообще-то профессор из них двоих только Крисс, а Джон Хайгер – его помощник и сотрудник Нью-Йоркского университета. Несколько месяцев назад, – Томилин повернулся к Грязнову, – нас с Ренатом вызвали в качестве свидетелей обвинения на процесс, который над ними сейчас идет. Мы предполагали вылететь в Нью-Йорк где-то в середине следующего месяца...

Как выяснилось из дальнейшего рассказа Томилина, в свое время конгресс и правительство США выделило российским реформаторам, в число которых входил, разумеется, и Мансуров со своим верным помощником, весьма крупную сумму, предназначенную для создания в России рыночной экономики. Кураторами проекта назначили профессора Шрадера и его сотрудника Джона Хайгера – как людей, во-первых, достойных доверия, во-вторых, неплохо знавших Россию. Еще в советские времена Шрадер несколько раз побывал в Москве, читал курс лекций в МГУ – и для студентов, и для преподавателей.

Что касается Хайгера, тот не только считался специалистом по российской экономике, но, по слухам, и жену свою вывез из России. Командировки в Москву, Питер и Екатеринбург были для него не редкостью.

– Знаете, – сказал Томилин, – я думаю, что именно он, как знаток особенностей нашей экономики, и втянул Крисса в эту историю... Денег мы тогда так и не дождались, в качестве «помощи» кураторы проекта пустили их на акции нескольких государственных компаний, как

выяснилось – лично для себя. В подробности вдаваться не буду, но удалось им это благодаря целому ряду весьма тонко продуманных финансовых махинаций. А ведь они считались в то время нашими партнерами!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.